

Семь СВИСТУНОВ

Ирина
Фуллер

Ирина Фуллер
Последняя из рода Мун: Семь свистунов. Неистовый гон
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Новые сказки»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69333835
Последняя из рода Мун: Семь свистунов. Неистовый гон:
ISBN 978-5-04-188587-8*

Аннотация

«Последняя из рода Мун» – история, рассказанная дважды.

Элейн, некогда дочь главы клана, а теперь прачка, встречает убийцу своей семьи. Она встает перед выбором: отомстить или отпустить. Чтобы принять решение, Элейн обращается к метафорическим картам. Из-за незначительной разницы в трактовке первой карты события начинают развиваться двумя совершенно разными путями.

«Семь свистунов» и «Неистовый гон» – две версии одних и тех же событий. Кто умрет, а кто останется в живых? Будут ли наказаны злодеи и как? Найдет ли Элейн свое счастье и как сложится ее судьба?

Новый одиночный роман, книга-перевертыш от Ирины Фуллер, автора цикла «Эксплеты».

Автор развивала сюжет, как и ее главная героиня, ориентируясь на значение метафорических карт, которыми пользуется сама.

Разное толкование карт привело к разным поворотам сюжета – так появились две части, два взгляда на одну и ту же завязку.

Две истории, которые начинаются одинаково, но развиваются по-разному, опираясь только на ключевые события, чтобы в итоге сплести причудливый узор.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Семь свистунов	6
Глава первая,	6
Глава вторая,	22
Глава третья,	34
Глава четвертая,	70
Глава пятая,	93
Глава шестая,	110
Глава седьмая,	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Ирина Фуллер
Последняя из рода
Мун: Семь свистунов.
Неистовый гон

© Фуллер И., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Семь свистунов

Глава первая, в которой одна встреча меняет жизнь Элейн

Яркий огонь вызывал у Элейн дурные воспоминания. Она внутренне сжималась всякий раз, когда Войт зажигал печь, чтобы кипятить щелочную воду. Приходилось приоткрывать небольшое окно прачечной – будто бы из-за запаха, но на самом деле из-за душащего беспокойства.

От пара девичий лоб становился влажным, рыжие волосы вились еще мельче, вылезая из-под чепца. После кипячения Элейн всегда ждало еще много работы. Когда она заканчивала варить хозяйскую одежду в тазу, нужно было погрузить четыре корзины мокрого белья на телегу и отвезти к реке. Там тщательно прополоскать в холодной воде, вновь погрузить на телегу и отвезти на задний двор, чтобы развесить для сушки.

И так по два-три раза на дню. Хорошо, что щелок покупали теперь у соседа. Говорили, он делал лучшее средство для стирки во всем Лимесе, если не во всей Кападонии. Элейн больше не нужно было тратить на это свои силы.

Обычно она отправлялась за щелочной водой ближе к вечеру. Элейн брала тележку, шла вверх по улице, проходила мимо мясной лавки с развешенными освежеванными тушами. Там ей неизменно становилось дурно. Она жмурилась и задерживала дыхание, проходя мимо.

Приходила в себя уже у колодца, у которого сворачивала к реке. К соседу можно было попасть только с небольшой насыпной набережной.

Получив воду, Элейн отправлялась обратно в прачечную. Назавтра все начиналось сначала.

В тот день ей отчего-то было особенно нехорошо. Должно быть, виной всему стал очень живой сон, что привиделся накануне. В нем эхом тысячу раз слышался хрип «Бегите!».

Элейн отправилась к реке. Заткнув юбку и передник за пояс, она встала за свою деревянную доску для полоскания, перегнулась через нее и принялась за работу, не обращая внимания на других прачек. Очень уж те любили поболтать во время работы, Элейн же не находила удовольствия в их беседах.

Задумавшись, она совершенно забыла обо всем, что ее окружало. Когда же вновь склонилась, чтобы покрасневшими от холода руками опустить в реку очередную рубаху, то увидела на волнующейся поверхности воды отражение мужчины. Тот стоял за ее спиной и терпеливо чего-то ждал. Первой реакцией Элейн был испуг: она не ожидала увидеть ко-

го-то рядом с собой.

А в следующую секунду внутри Элейн все похолодело. Она замерла, смотря, как рябь на воде утихает, и на застывшем зеркале реки становится совершенно отчетливо видно лицо молодого мужчины.

Вся ярость и боль, что жили в ее сердце последние десять лет, подступили к горлу, грозя вырваться на свободу душе-раздирающим воплем.

Это был тот самый человек, которого она видела в снах последние годы. Тот самый человек, которого Элейн ненавидела больше всего на свете. И теперь он стоял рядом.

Рубинового цвета рубашка выскользнула из девичьих рук, чуть взволновав поверхность реки, а затем начала плавно опускаться на дно.

Казалось, кровь наполняла воды, как это случилось тогда, в Думне, когда Элейн в последний раз праздновала свой день рождения.

* * *

Праздник в тот год устроили особенно пышный, и на то была веская причина: дочери главы клана исполнялось десять, а кападонцы любили круглые даты и славные застолья.

К тому же в деревне расположился отряд карнаби. Драммонд Мун, глава клана, отец Элейн, распорядился обращаться с ними, как с самыми дорогими гостями, поэтому в Думне

был не просто праздник, а настоящий пир.

На самом деле Элейн не могла понять, почему отец так радушно принял карнаби: еще год назад кападонцы вели войну с этим племенем. Между ними была не какая-нибудь взаимная неприязнь, а самая настоящая вражда.

И вдруг – гости.

После праздника, когда многие уже разошлись по своим хижинам, Элейн услышала голос отца во дворе их дома. Он сидел на скамье под большим дубом в окружении трех старших сыновей и обстоятельно разъяснял, почему позволил чужим солдатам остановиться в Думне.

Элейн тоже было интересно. Она подошла ближе, а чтобы никто не подумал, что она подслушивала взрослые мужские разговоры, стала гладить своего жеребенка.

– Кападонцы проиграли войну. Карнаби – слишком многочисленный народ, чтобы мы могли справиться с ними. Поэтому, чтобы избежать дальнейших кровопролитий, почти все кланы Кападонии согласились стать подданными королевства Англорум и дать присягу королю, выбранному карнаби. Это означает, что мы теперь на одной стороне.

– Но не лучше ли погибнуть, сражаясь, чем вот так сдаваться? – спросил старший брат Элейн.

Отец покачал головой:

– И что же останется от нас, кроме костей, если мы будем сражаться вопреки рассудку? Ради чего?

– Но я не хочу... не хочу преклоняться перед ними!

Глава клана похлопал своего наследника по плечу.

– Ты и не должен. Мы преклонили колено перед королем Англорума, а не перед карнаби. Эти солдаты, – отец неопределенно махнул рукой, – теперь обеспечивают нашу с вами безопасность. Поэтому я велел радушно принять их, позволить поселиться в наших домах, кормить и поить.

– Я не понимаю, – покачал головой средний брат. – Пускай так, но нельзя ли было поселить их в хлеву?

Отец Элейн вновь покачал головой, с полуулыбкой глядя на сына.

– Это политика. Я только на днях подписал присягу королю, поэтому мы должны продемонстрировать наши мирные намерения как можно явственнее.

Братья чуть помолчали, обдумывая услышанное.

Затем младший из трех спросил:

– А как ты подписал присягу?

– Очень просто: я подписал специальную бумагу и отправил ее мормэру в Роксетер. Мормэр отвечает за порядок в наших краях. Следит и за тем, чтобы все кланы приняли присягу.

– А что, если кто-то не подпишет ее? – спросил старший.

– Думаю, в таком случае мормэр Донун отправит к этому клану свой отряд. Кто знает, может, эти карнаби и идут сейчас к какому-нибудь дальнему, северному клану, не подписавшему присягу.

– Чтобы заставить сделать это? – мрачно уточнил один из братьев.

Отец кивнул.

– Постой-ка, это тот Донун, с которым ты лично сражался у Форта? – уточнил старший сын.

Глава клана ответил ему кивком.

– И которого победил? – широко улыбнувшись, спросил средний.

Отец рассмеялся и кивнул.

Элейн так внимательно слушала разговор, что не заметила, как к ней подошел Донни, ее младший братишка. Тому едва исполнилось четыре, но он звал себя «мужчиной» и время от времени следил за дисциплиной.

– Что это ты подслушиваешь? – спросил он, быстро разгадав задумку сестры.

Улыбаясь, Элейн осадила младшего и начала играть с жеребенком. Самое главное она уже услышала: ради безопасности своих людей отец хотел показать этим карнаби, что клан верен королю Англорума.

Донни тоже подключился к игре. Вместе они стали дразнить жеребенка морковью, резвясь на пяточке у хлева.

Вечерело.

– Скоро мать домой погонит, – прошептала Элейн братишке. – Давай потише играть, может, не вспомнят про нас.

Мальчик заговорщически улыбнулся, и они улеглись на

короткую траву недалеко от колодца. Элейн достала из кармана передника новенькую флейту, которую подарил старший брат, и стала тихонько играть.

Земля уже была прохладной, поэтому Элейн знала – они проведут так совсем немного времени, прежде чем отправятся в дом.

Небо укрылось от их с Донни взоров за размашистыми ветками старого дуба. Звонкий свист птиц начал наполнять пространство.

Братишке быстро надоело валяться без дела, и он побежал к отцу, а Элейн не могла оторвать взгляда от рассеявшихся на дереве соловьев-свистунов. Согласно поверью, семь свистунов были предвестниками скорой смерти, поэтому она несколько раз пересчитала их, чтобы убедиться: там было только шесть птиц. Облегченно вздохнув, Элейн прикрыла глаза, слушая шум листвы, голос отца вдали, залиvistый смех Донни.

– Смотрите, это свистун! – услышала вдруг она и подняла голову.

На плече у братика сидела птичка.

Медленно, точно во сне, Элейн перевела взгляд на ветку. Там все еще было шесть свистунов.

Она не успела осознать, что это значило, потому что в следующий момент раздался вопль где-то совсем близко. Элейн увидела, как резко встал на ноги отец. За пару дворов от них кто-то закричал. Раздался мужской смех.

Драммонд велел сыновьям немедля идти в дом, но мгновением позже к ним во двор ворвались люди. Мальчишки замерли, наблюдая, как восемь мужчин в синей форме карнаби подходят ближе, направляя на главу клана острые сабли.

Элейн не помнила себя от страха. Боялась она вовсе не за свою жизнь, а за семью. Ком подкатил к горлу, не давая дышать. С ужасом она смотрела на Донни, который комично упер руки в бока и с безрассудной смелостью глядел на карнаби. «Беги в дом, глупый!» – отчаянно подумала Элейн, но не посмела прокричать эти слова вслух.

Отовсюду в деревне начали доноситься крики и ругань. Происходило что-то страшное. Элейн пыталась придумать, как помочь отцу и братьям, но у нее не было ни одной стоящей идеи. Отползти подальше она тоже не могла: страх сковал и лишил способности двигаться. Поэтому она продолжала лежать на траве, с бешено колотящимся сердцем наблюдая за происходящим.

Впереди всех шел молодой человек с вьющимися светлыми волосами. Голубой ворот его формы упирался в гладко выбритый подбородок. Лицо исказила зловещая усмешка.

– Что происходит? – требовательно спросил отец Элейн.

– Подавление очагов восстания, Драммонд, – отозвался молодой человек, демонстративно утерев с щеки брызги крови.

Кровь была не его.

– Вы пожалеете об этом. Мы – подданные королевства Ан-

глюрум.

– Ах, но, любезный, вы не присягнули королю. Именно поэтому мы здесь: чтобы наказать вас за неисполнение воли Его Величества.

Отец сделал пару шагов вперед, и кончик сабли уперся ему в шею. Глава клана стиснул зубы.

– Послушай, пес, – процедил он, – подобное беззаконие...

– Беззаконие? – Карнаби удивленно поднял брови. – О чем вы? Это, – он чуть обвел окружающую обстановку взглядом, – приказ мормэра.

– Донун... – прохрипел отец яростно.

– Именно так. Он не получил от вас подписанной присяги и поэтому отправил отряд.

Понимание озарило лицо главы клана.

– Остановите эту резню. Заберите меня. Убейте, – бес- сильно сжимая кулаки, проговорил он. – Но остановите. Эту. Резню. Это личное дело между мной и Донуном.

– О, не стоит волноваться, – отозвался карнаби. – Ты непременно умрешь.

С этими словами он лишь немного качнулся вперед, и кажущееся легким, лишенным какого-либо усердия, движение острой сабли рассекло горло.

Элейн зажмурилась. Она не желала видеть, как упал на колени отец. Как бросились на защиту брата.

– Бегите, – последнее, что смог прохрипеть когда-то могучий воин.

Элейн оцепенела. То, что случилось дальше, навсегда осталось в ее памяти. Она лишь молила богов, чтобы они пощадили младшего брата, он ведь был так мал...

А затем все потеряло всякий смысл.

Сознание Элейн отказывалось принимать то, что произошло. Она была уверена, что ошиблась. Это не могло случиться с ней, не могло случиться с ее семьей. Не могло случиться с Донни.

Она издала отчаянный вопль. Остальные солдаты, опьяненные кровавой расправой, не услышали его, они выскочили со двора, чтобы продолжить бесчинства в деревне.

Ее крик, однако, не ускользнул от внимания командира. Тот медленно обернулся. Их взгляды встретились.

Элейн не знала, где нашла силы подняться. Как смогла заставить себя побежать. Она слышала, что карнаби бросился за ней следом, но в ее голове не было никаких мыслей. Тело само двигалось, бежало, перепрыгивало через курятник. Элейн и дорогу-то толком не видела из-за слез.

Затем она услышала ужасающий хлюпающий звук, смешавшийся с жалобным ржанием. Она машинально обернулась и увидела, как ее жеребенок упал на землю. Невольно оказавшись на пути у солдата, животное задержало его, давая Элейн возможность спастись.

Она свернула на маленькую улочку, пробежала вперед, перепрыгнула через низкий забор, пересекла чужой двор. Чуть впереди горел дом ее друга Томмена. Элейн слышала холо-

дующие кровь крики и видела, что солдаты не давали людям выйти, наказывая уколom сабли за любую попытку выбраться.

Огонь разгорался, и Элейн показалось, что в воздухе запахло горячей плотью.

Но она слышала, что кто-то бежал за ней, и поэтому продолжала свой путь. Пробежала по знакомой тропинке, по мостику через реку, в которой теперь плавали тела, обогнула соседский сарай и там не придумала ничего лучше, чем спрятаться за прислоненной к стене небольшой телегой.

Через несколько секунд на широкую дорогу вышел преследовавший ее карнаби. Элейн видела только его сапоги и кончик сабли, с которого капала кровь. Он шагал медленно, и, даже несмотря на какофонию звуков, что доносились со всех сторон, она слышала, как скрипели подошвы солдатских сапог.

Развернувшись на пятках, карнаби начал приближаться к телеге. Но тут раздался крик:

– Торэм! Мы там золото нашли, что с ним делать?

Повисла пауза. Элейн слышала, как пульсирует кровь в ушах.

Сапоги вновь скрипнули, их носки развернулись в противоположную от телеги сторону.

– Пойдем разберемся.

– А еще там такая кухарка...

Мужчины громко и скабрeзно засмеялись.

Элейн не смела шевелиться еще несколько часов. Временами она проваливалась в сон, но затем вздрагивала, снова открывала глаза, утыкаясь взглядом в истертое дно телеги.

Светало. Крики давно прекратились, слышно было только пение утренних птиц и треск цикад.

Едва солнце начало вставать, продрогшая до костей Элейн осторожно вылезла из-под тележки и на четвереньках пробралась к соседскому сараю. Там прямо на входе лежала зарезанная свинья. Подавив вопль, Элейн перешагнула через нее, прошла вглубь, взобралась по шаткой лестнице на сеновал и спряталась там.

Наконец, ей удалось по-настоящему уснуть.

Ее разбудили голоса солдат. Через прореху в стене было видно, как карнаби в своей синей форме неровным строем шли по улице. Эти люди наконец покидали Думну. Их командир стоял чуть в стороне и наблюдал за своим отрядом.

Когда последний из солдат прошел вперед, их командир отвязал от оградки коня и запрыгнул в седло. Проходя мимо телеги, за которой еще недавно пряталась Элейн, он замер на мгновение, чуть сощурился, а затем саблей смахнул это ненадежное укрытие в сторону. Увидев лишь примятую траву, карнаби пустил лошадь в галоп.

В деревне не осталось ни одной живой души, кроме Элейн.

Облик того светловолосого мужчины врезался в память Элейн так отчетливо, будто она носила с собой его портрет. Она в деталях могла представить синий мундир с белым шейным платком и голубыми обшлагами. И вот теперь увидела свой ночной кошмар наяву. Отражение на поверхности реки подрагивало, покрывалось рябью, но лицо было узнаваемо.

Элейн медленно распрямилась и обернулась.

– О, прошу прощения, не хотел помешать вам, милая девушка, – улыбнулся убийца, задержав взгляд на ней чуть дольше, чем требовали приличия.

Она не могла пошевелиться.

– Мне просто нужно помыть руки и... – Он взглянул на свои ладони. – Раз уж вы остановились, позвольте, я сделаю это.

Он подошел к деревянному настилу и опустился на колени рядом с Элейн.

Она продолжала смотреть на него остекленевшим взглядом, не веря, что человек из кошмаров находился на расстоянии вытянутой руки. Закончив со своим делом, он вновь криво усмехнулся и поспешил уйти.

Лишь когда он скрылся из виду, Элейн снова ощутила собственное тело, которое была крупная дрожь. Она сделала

несколько шагов от реки, и ее вырвало.

Не помня, как собрала мокрое белье в корзины, Элейн добралась до дома хозяина и наконец оказалась в своей крохотной комнатке на чердаке.

Несколько минут она сидела на соломенной лежанке, ощущая пустоту в голове. Затем подошла к деревянному сундучку, стоявшему на полу в углу.

Там были ее сокровища: флейта, которую подарил старший брат, любимая игрушка Донни, миниатюрный портрет мамы, сделанный отцом, и колода карт. В памяти вновь всплыли воспоминания о том, что она увидела, оказавшись после той ночи в родном дворе, а затем – в доме. Солдатам, сотворившим это с ее семьей, не было прощения.

И теперь тот, кто стал причиной ее бесконечного горя, был тут, в Лимесе! За две сотни километров от Думны.

Элейн прислушалась к себе. Какие эмоции она испытывала?

О небеса, больше всего на свете ей хотелось взять деревянную лошадку брата и воткнуть ее убийце в глаз, а затем наблюдать, как он корчится от боли.

Она вздрогнула от собственных мыслей. Этот карнаби превратил ее в чудовище, уничтожил все, что было в жизни хорошего, оставив лишь страх и ненависть.

Проведя кончиками пальцев по лошадке, затем по флейте, Элейн со злостью стиснула зубы. Картинки страшной мести сменяли одна другую. Но могла ли она и вправду решиться

на такое? И почему только теперь? Все десять лет этот карнаби продолжал топтать своими солдатскими сапогами землю, пропитанные кровью ее семьи, но она ни разу не подумала о том, чтобы найти его и отомстить.

Впрочем, неудивительно: все это время она была занята выживанием. Оставшись совсем одна в свои десять лет, Элейн думала только о том, как не умереть от голода. Придя в Лимес, она устроилась прачкой, но это был нелегкий труд.

А там, в прошлой жизни, ее ждало бы совсем другое будущее. Девочек в Думне обучали разным занятиям: шитью, рисованию, чтению, гончарному ремеслу. Они пряли и работали в саду, готовили запасы на зиму из ягод и грибов и даже собирали мед. В десять лет серьезное обучение только начиналось, поэтому Элейн не успела по-настоящему овладеть полезными навыками. Но к совершеннолетию она умела бы многое.

Все это оборвалось в один миг, уничтоженное несправедливым, подлым нападением..

Элейн выглянула в крохотное окно убогой комнаты. Поднявшаяся в груди ненависть отозвалась горечью во рту. Ее жизнь, похожая на жалкое существование никому не нужной собаки, ничего не стоила. Зато и терять было нечего.

Она взяла в руки колоду и стала бездумно перемешивать карты. Те были размером чуть больше ладони, не слишком удобные для тасования. Однако действие было настолько привычным, что Элейн делала это совершенно непринуж-

денно, как заправский игрок. С той лишь разницей, что в этой колоде не было мастей.

Она выбрала карту и взглянула на изображение.

В комнате с большим камином, ссутулившись, на стуле сидел молодой человек. Над ним, сложив руки в молитвенном жесте, склонился мужчина. Рядом со стулом на коленях стояла девушка, она держала молодого человека за руку, с явной тревогой вглядываясь в его лицо.

Глава вторая, в которой Элейн начинает действовать

В комнате с большим камином, ссутулившись, на стуле сидел молодой человек. Над ним, сложив руки в молитвенном жесте, склонился мужчина. Рядом со стулом на коленях стояла девушка, она держала молодого человека за руку, с явной тревогой вглядываясь в его лицо.

Элейн какое-то время рассматривала картинку, чтобы понять, что это значило: молодого человека она посчитала тем самым карнаби, и, судя по обеспокоенности близких, ему было плохо – подушка под спиной однозначно указывала на его немощность.

А что же она? Была ли она на картинке? Или это ее стараниями бессердечный палач лишился сил?

Элейн прислушалась к себе: жажда мести боролась с неприятием жестокости. Но могла ли она просто взять и отпустить того, кто убил всю ее семью?

Она решительно сжала зубы и еще раз посмотрела на изображение. Вот что ждало человека, на чьих руках была кровь ее семьи: смерть, когда кажется, что впереди целая жизнь.

Карты всегда указывали Элейн путь, и сейчас это был путь возмездия.

Она закусила губу, думая, с чего начать. Выбрать оружие? Способ убийства? По ее телу прошла волна дрожи: неужели она действительно посмеет? Неужели сделает?

Пытаться убить опытного воина в бою глупо. Элейн и нож-то в руки почти не брала, что уж говорить об оружии. Значит, действовать следовало хитрее.

И тут она вспомнила, как в прошлом году у соседей умер конюх, случайно выпив настой от крыс. Искал в кладовке припрятанную им же бутылку горячительного, но перепутал похожие сосуды и хлебнул яд.

Что ж, такой способ избавлял от необходимости видеть жертву в момент смерти, а значит, не требовал того убийственного хладнокровия, которым не обладала Элейн. Она отправилась к экономке, чтобы узнать, чем в доме уничтожали грызунов.

– Та каждый месяц отвар пижмы делаю. Уходит, не напа-сешься, – посетовала экономка.

– Дай мне одну бутылку, а?

– Ну ты сдурела! Я ж тебе говорю, осталось малек. У меня и пижмы самой почти нет, новая еще не скоро пойдет, а насушенная уж почти вся того.

Но Элейн не сдавалась и все же получила маленький пузырек отвара.

– Шось ты с этой каплей делать будешь... – Экономка со-

проводила свои слова скептическим фырканьем.

«Лучше тебе не знать», – подумала Элейн. Следом она отправилась к реке: нужно было выяснить, как зовут мужчину и где его найти.

Она спрашивала каждого встречного о высоком блондине в форме карнаби, но те лишь качали головой. Это было странно: в таком маленьком городке появление солдата вражеской армии – пускай сейчас они и жили в мире – обычно замечали сразу. Да, Лимес принадлежал теперь объединенному королевству Англорум, но прежде, как и родная деревня Элейн, считался частью Кападонии. Здесь еще жили мужчины, сражавшиеся когда-то с карнаби до последней капли крови. На представителей прежде недружественного народа смотрели если не с ненавистью, то уж точно с неприязнью и подозрением.

Наконец, ей встретился мясник, крупный мужчина, которого Элейн всегда обходила стороной из-за характерного запаха сырого мяса. Но в этот день она остановила его, чтобы задать вопрос.

– С лицом таким, – он скривился, поведив рукой у себя перед носом, – смуглым?

Элейн пожала плечами. Она отлично помнила, как выглядел солдат, когда ей самой было десять. Совсем молодой, с лихо выющимися волосами цвета пшеницы, росшими на лбу, в самом центре, клином. Такое в народе называли «мыс вдо-

вы». У него были холодные, безумные светлые глаза и две небольших родинки.

Но вот каким он был сейчас? Она не смогла в деталях разглядеть его, слишком потрясенная внезапной встречей.

– Много ли вы видали карнаби за последнее время, чтобы думать, о каком рассказать, о смуглом или о бледном? – спросила Элейн, сложив руки на груди.

– Не умничай давай! – пропыхтел мясник. – Приходил он в «Два петуха», пил сосновый эль и ел почки. Лита подала ему двойную порцию. – Последнее определенно сердило мужчину. – Можно подумать, я для того ей мясо вожу, чтобы синих кормить.

Местный паб «Два петуха» по обыкновению обслуживал приезжих, так как на втором этаже его находилась гостиница. Путь Элейн был недолог, и вот она оказалась у невысокого здания постоялого двора.

Душа ее металась: действительно ли она была способна на убийство?

То, насколько легко Элейн рассказывали об этом светло-волосом военном, ясно говорило о нелюбви и недоверии к его народу. Слишком много оставалось в живых людей, потерявших на войне с карнаби родных и близких.

Хозяин паба и гостиницы безо всяких вопросов указал комнату, в которой остановился молодой мужчина, и добавил, что тот сейчас отсутствовал.

Элейн кивнула и пошла к лестнице. Никто ее не остановил.

Дверь в комнату была заперта, но, без сомнений, ключ имелся у горничных. Элейн двигалась неторопливо, но уверенно, сердце билось часто и громко, а в голове была странная пустота.

Она нашла помещение, в котором отдыхали девочки-служанки. Прежде чем войти к ним, Элейн достала из незамысловатой прически ленту и запрятала в рукав платья. Затем вошла к горничным и попросила открыть номер.

– Этот карнаби взял мою ленту, я хочу ее забрать, – пояснила она, изобразив тревогу на лице, и девушки ахнули.

Такой жест со стороны молодого человека заявлял о намерении начать ухаживания. Если бы речь шла о местном, Элейн едва ли стали бы помогать. Чего ж страшного, если молодой человек захотел поухаживать за девицей? Но тут речь шла о карнаби.

Одна из горничных решительно встала и жестом велела идти за ней.

– Можешь оставить меня здесь? – прошептала Элейн, когда нужная дверь была открыта. – Ленту надо еще отыскать.

Девушка неуверенно пожевала губу, а затем кивнула в ответ.

– На всякий случай закрой дверь. Вдруг он вернется, – сказала Элейн.

– Но как ты выйдешь?

– Придумаю что-нибудь.

Покачав головой, служанка закрыла комнату. Узнай кто-то, что дочь главы клана как воровка проникла в комнату к незнакомому мужчине, ее ждало бы суровое наказание. Но, увы, клана уже не было, как и тех, кто мог волноваться о судьбе Элейн.

Чуть осмотревшись, она увидела глиняный чайничек на столе у окна и, убедившись, что тот был пуст, вылила в него отвар пижмы.

В коридоре послышались шаги. Элейн замерла. Уловив звук поворачивающегося в замке ключа, она испуганно застыла, взглядом ища убежище. Увидев в углу массивный шкаф для одежды, она заскочила в него. Едва оказавшись внутри, закрыла дверцу, и в следующее мгновение в комнату вошел карнаби.

Сквозь щель между дверцами Элейн наблюдала за происходящим.

Он закрыл дверь, скинул темно-синий камзол и размял шею. Затем упал на кушетку, по-хозяйски забросив ноги в грязных сапогах на столик, запрокинул голову и протяжно выдохнул. Он сидел так не меньше четверти часа, и Элейн изнывала от желания пошевелиться и разогнуть затекшие ноги. Но она смирно сидела и ждала. Как в ту ночь в Думне, когда она так же пряталась от него под телегой. Кровь застучала в ушах при воспоминании о той резне. Элейн зажмурилась, чувствуя, как все существо наполняется страстным

желанием любой ценой отомстить этому монстру.

Наконец карнаби резко подскочил, будто какая-то мысль озарила его, и начал расхаживать взад-вперед.

Он был высок ростом и широкоплеч, подтянутый, жилистый, с живой мимикой и без намека на истинную сущность – сущность чудовища.

Мужчина подошел к окну, рядом с которым стоял чайник. Элейн не могла понять, намеревался ли он пить или просто смотрел в окно.

Наконец карнаби повернулся к окну спиной, и Элейн увидела, что у него в руке был тот самый глиняный чайник с пижмой.

Она смотрела, как он пил прямо из носика, и не чувствовала сил даже дышать. От мысли о том, что она только что отравила человека, к горлу подступила тошнота. Но Элейн не собиралась останавливать его. Нет. Он заслуживал каждого мгновения ожидающих его мук.

Карнаби оторвался и скривился, удивленно глядя на сосуд в руках. Пару раз причмокнув, будто бы пытаясь понять, что только что выпил, он хмыкнул, оставил чайник и сел за стол. Теперь Элейн видела только светлые волосы, собранные на затылке в неаккуратный пучок, и широкую спину, обтянутую белой рубахой. Придвинув перо с чернильницей, он начал писать.

Первые мгновения ничего не происходило, а затем он за-

кашлялся. Элейн внутренне напряглась... но ничего не произошло. Карнаби прочистил горло и продолжил писать. Прошло не меньше получаса, прежде чем он отложил письменные принадлежности. Снова прочистил горло, а затем сделал еще один глоток из чайника. Элейн невольно отметила ужащающую привычку пить из носика. Ведь рядом стояло целых две кружки!

Шло время. Элейн не знала, как быстро действовала пижма, но уже начала подозревать, что ошиблась.

После такого сильного напряжения безучастно ждать стало утомительно; почувствовав усталость, она задремала. Из полусна ее вырвал стук в дверь.

– Принесла воду на смену, – послышался юный голосок.

– Спасибо, добрая девушка, – чуть насмешливо ответил карнаби. – Как приятно, что кто-то заботится обо мне.

– Мне старшая велела, – сердито отозвалась горничная.

Мужчина благодушно рассмеялся.

– Значит, *она* обо мне заботится, – ответил он.

Элейн закатила глаза. Он изображал из себя общительно-го добряка. Она не раз встречала таких мужчин. За их болтовней обычно не скрывалось ничего, кроме себялюбия и желания покрасоваться. Как оказалось, за маской благодушия можно скрыть прогнившую душу и кромешный мрак.

– Скажи-ка, а что это за странный напиток у меня в чайнике? – поинтересовался вдруг карнаби.

– Обычный травяной чай, мой господин, – ответила де-

вушка.

Он настоял, чтобы та посмотрела, уверив, что раньше вкус был другим. Тогда служанка принялась и чуть удивленно взглянула на карнаби.

Кровь застыла в жилах Элейн. Никто еще не знал, что она пряталась в шкафу, но стоило им понять, что в чайнике яд, как первым делом начали бы обыскивать комнату, в этом не было сомнений.

– Это пижма, мой господин.

– Это обычно для ваших мест? Вы часто пьете пижму? На вкус как кошачья моча.

– Я не знаю, какова моча на вкус, – любезно ответила служанка, но Элейн услышала в ответе дерзкую насмешку.

Ей стало страшно: если именно сейчас проявится истинное лицо карнаби? Если он ударит ни в чем не повинную служанку? Едва ли этот человек допускал, чтобы над ним так потешались.

Но он лишь рассмеялся.

– Я бы попросил больше меня этим не потчевать.

Горничная пожала плечами и взяла чайник.

– Вообще отвар пижмы полезен, если только вы не на сносях.

С этими словами она поспешила выйти из комнаты.

Элейн угрюмо посмотрела в противоположный угол шкафа. Она думала, что налила этому монстру отраву, а оказалось – лекарство! Какая глупая ошибка. Отчего же умер ко-

ных? Вряд ли он был в положении. Элейн сжала губы, ругая себя на все лады за глупую самоуверенность.

– Я уезжаю домой сегодня вечером, – громко сказал служанке вслед карнаби. – Принеси ужин пораньше, чтобы я успел поесть.

Из коридора слышалось приглушенное «да, мой господин», и дверь захлопнулась.

Элейн оставалось только надеяться, что этот человек не собирался сидеть тут до самого отъезда.

Вновь оставшись в одиночестве, карнаби принялся расхаживать по комнате, о чем-то размышляя. Затем он потянулся, громко зевнув, и завалился на кровать. Прямо в ботинках! Элейн тут же представила покрасневшие, истертые руки местной прачки.

Несколько минут она ждала, прислушиваясь. Наконец ей стало ясно, что карнаби уснул. Тогда, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле, она медленно открыла дверцу шкафа. Та предательски скрипнула, заставив Элейн замереть. Карнаби вздохнул, но не проснулся. Дверца еще дважды издала тихий, усталый стон, однако это не помешало Элейн выбраться на свободу. Ноги покалывало, спина и шея затекли, но она привыкла часами стоять в одном положении, когда полоскала вещи в реке.

Пояс с саблей висел на спинке стула. Позолоченный эфес с синими камнями загадочно мерцал в свете заходящего солнца.

Элейн сглотнула и сделала шаг в сторону спящего. Яд был бы куда проще... Вспотевшими ладонями она обхватила рукоять сабли и с металлическим лязгом достала из стальных ножен. Покачнувшись от тяжести оружия, она едва не выронила его. Подкралась ближе к карнаби и застыла. Тот мирно спал, грехи прошлого не омрачали безмятежный сон. Элейн набрала воздуха в легкие и приготовилась замахнуть, но в этот момент карнаби открыл глаза. Она едва не упала в обморок от страха. Однако взгляд голубых глаз был рассеянным, блуждающим, и уже через несколько секунд молодой мужчина снова спал, не ведая, что довел перепуганную девушку до слез.

Не помня себя, Элейн убрала саблю в ножны и на негнущихся ногах вышла в коридор. Вытирая влажные щеки, она пыталась собраться с духом. Убить человека, даже такого отъявленного мерзавца, оказалось не так-то просто. Достаточно было сделать одно движение, и сон для него стал бы вечным. Но она не смогла...

– Он не заслуживает такой легкой смерти, – объяснила себе Элейн собственную нерешительность. – Ведь он даже не будет знать, что умер.

Досадовать на собственную нерешительность времени не было: карнаби уезжал этим вечером, и требовалось срочно принять решение, что делать дальше.

Всю дорогу до дома Элейн перебирала в голове возможные варианты: пуститься в погоню? Сейчас отпустить, узнав

имя, а затем отыскать? Забыть обо всем?

Вернувшись в свою комнату, она вновь достала любимую колоду. Сделав глубокий вдох, она прикрыла глаза и стала медленно перемешивать карты. Какой совет они дадут на этот раз?

В зале с блюдами в серванте – дело происходило в столовой или таверне – молодой человек в синем одеянии прижмал к себе девушку, положившую голову ему на грудь. Рядом стоял мужчина в доспехах: он то ли утирал платком слезы, то ли подкручивал усы. На заднем плане по лестнице бежала девушка, она, кажется, пыталась остаться незамеченной.

**Глава третья,
в которой путешественники
едут из Лимеса и
добираются до утеса Пейхед**

В зале с блюдами в серванте – дело происходило в столовой или таверне – молодой человек в синем одеянии прижмал к себе девушку, положившую голову ему на грудь. Рядом стоял мужчина в доспехах: он то ли утирал платком слезы, то ли подкручивал усы. На заднем плане по лестнице бежала девушка, она, кажется, пыталась остаться незамеченной.

Элейн долго разглядывала карту. Где она была на этой картинке? Она бы предположила, что скрывалась на лестнице. Но отчего-то взгляд упрямо падал на девушку рядом с молодым человеком. В *синей* форме – тут-то сомнений быть не могло, это и был карнаби. Приглядевшись к изображению, Элейн заметила, что лицо девушки было какое-то отрешенное, холодное. Она хоть и была в объятиях молодого человека, но думала не о нежности его рук. Элейн прислушалась к себе. Она действительно не хотела потерять след карнаби, упустить навсегда, и предпочла бы держаться рядом, пока не появится новая возможность расквитаться.

Решительно вздохнув, Элейн переделалась в чистое платье, набросила на плечи теплый платок. Надела пояс с сумкой, в которую убрала карты. Заплела волосы в тугую косу, что было не просто с ее непослушными рыжими кудрями. У мамы и Донни были такие же, все они ужасно мучились и ломали расчески. Но в тот миг волосы напомнили ей о семье и о том,

ради чего она все это затеяла.

Затем Элейн разыскала хозяина. Солгала, что получила сообщение, будто нашлись ее родственники, и попросила отпустить на несколько дней, возможно – пару недель, чтобы встретиться с ними. Хозяин, строгий, но добросердечный мужчина, отпустил, выплатив жалованье раньше срока, чтобы было на что путешествовать.

После Элейн заглянула на кухню и, отвлекая кухарку разговорами, стащила небольшой нож.

Ложь, теперь кража... Неужели и убийство лишь вопрос времени.

Вернувшись в гостиницу, чтобы узнать, уехал ли карнаби, Элейн начала разговор с управляющим издали.

– Ай-е, – позвала она Кануна, преклонных лет мужчину, протирающего стол в таверне гостиницы, – скажи, как добраться до Мидленда?

Канун остановился и, сурово нахмутив брови, поинтересовался:

– А тебе туда зачем?

Элейн могла только гадать, куда держал путь карнаби, но решила, раз он сказал, что уезжал «домой», значит, отправлялся в один из городов Мидленда, в земли, принадлежащие его народу.

– Мне прислали оттуда письмо, пишут, что родственники. Хочу с ними повидаться.

– И они в Мидленде? Что им там делать? Я думал, твоя

родня была в Думне.

– Я тоже так думала, – хмуро ответила Элейн, не желая лгать, но не видя иного выхода. – Так ты скажешь, как туда добраться? Хозяин заплатил немного денег, но я не умею ездить верхом, так что лошадь взять не могу. У этого-то вашего постояльца-карнаби своя лошадь? Или он берет экипаж?

Управляющий покачал головой.

– У него своя, знамо дело, он же солдат. Они отродясь в экипажах не ездили. Ай-е, опасное это дело, иметь что-то общее с карнаби... Они ж не люди...

– О, мои родственники не карнаби! Упасите Небеса от такого! – Это она сказала искренне. – Они всего лишь находятся там, но сами – истинные кападонцы. Как и я.

Канун одобряюще кивнул и начал переворачивать стулья в уже опустевшей таверне.

Тут послышались шаги на лестнице.

– Эй, добрый человек, подготовьте мою лошадь, – раздался знакомый голос.

Светловолосый молодой мужчина вошел в зал таверны с таким видом, словно все здесь принадлежало ему: плечи расправлены, походка небрежная, на губах – снисходительная улыбка. Элейн сжала зубы. Как же она ненавидела его... Повадки, одежда, черты лица – все вызывало раздражение.

Канун кликнул мальчишку-конюха, и тот скоро прибежал, жуя лепешку. Пока карнаби ждал исполнения своего указания, управляющий продолжил разговор с Элейн:

– Да и как ты одна поедешь? Опасная это затея.

– Не опаснее, чем ходить на реку ранним утром полоскать белье, когда выпивохи ползут домой из таверн.

Канун покачал головой:

– Тут-то все кападонцы. Кападонец беззащитную девушку не обидит.

Элейн подумала, что управляющий серьезно заблуждался, но не успела возразить.

– А ты, девочка, отправляешься в Мидленд. Там у них, – он будто бы из приличия понизил голос, хотя и недостаточно, чтобы их не услышал гость, – ни чести, ни сострадания. Эти могут сделать что угодно.

Слушая Кануна, Элейн краем глаза заметила, что карнаби не сводил с нее взгляда. Вероятно, потому и не отреагировал на оскорбление управляющего – явно о чем-то задумался. Она старалась делать вид, будто не замечала пристального внимания, но он так смотрел, что это становилось невозможно. И тогда, внутри дрожа от страха, вопросительно подняла брови.

– Простите, мы встречались раньше? – спросил он, отгаликиваясь от высокого стула.

Элейн несколько мгновений думала, что сказать. Сомнений быть не могло: Карнаби увидел ее, когда приоткрыл глаза тогда, в номере. Но понял ли, что это был не сон? Вряд ли, иначе бы сразу вскочил и разделался, убежать она бы не успела.

– Вы были на реке, – нашлась вдруг она, – когда хотели вымыть руки. Я стирала.

– А-а-а, – протянул он, вспоминая встречу. – А я никак не мог сообразить, откуда так знакомо ваше лицо.

Она сдержанно кивнула.

– Прошу прощения, – продолжил он, – я услышал, вы направляетесь в Мидленд? Я еду в Хапо-Ое, это приграничный город. Могу довести до него, а там возьмете другую повозку. Куда именно в Мидленде вы направляетесь?

Управляющий напряженно взглянул на гостя. Он не хотел оставлять молодую кападонскую прачку в компании карнаби, да еще и солдата. Элейн чуть нахмурилась, страшась выдать истинные чувства: кажется, все складывалась лучше, чем можно было ожидать.

Не имея ответа на последний вопрос, Элейн произнесла:

– Спасибо, но нет уж. Вы едете верхом на лошади, не могу же я ехать с вами в одном седле.

Он пожал плечами, определенно не видя в том проблемы.

– Это неприлично, – вспыхнула Элейн.

Канун одобрительно крякнул.

– Я обещаю, что не трону вас, – заверил карнаби. – Прошу прощения, забыл представиться. Оллин Торэм, офицер полиции Мидленда к вашим услугам. Я доставлю вас в Хапо-Ое в лучшем виде.

Элейн закусила губу, будто бы взвешивая решение. Она взглянула на Кануна. Тот закончил протирать стол и взялся

за метелку. Лицо его было хмуро. Вся затея ему явно не нравилась.

Гордо подняв подбородок, Элейн обратилась к карнаби:
– Мне надо подумать.

– Думайте и выходите во двор. Если не выйдете, как подадут лошадь, я уеду.

– Ай-е, может, подождешь до пятницы, наши кападонские собираются на ярмарку? – неуверенно произнес управляющий, едва карнаби покинул гостиницу.

– Это только через неделю, – покачала головой Элейн. – Родственники уезжают на юг, я и так не уверена, что дождутся меня.

Канун досадливо вздохнул, а затем завернул Элейн в салфетку два куска хлеба и шило. На ее удивленный взгляд пояснил:

– Если что надумает, воткнешь ему куда надо.

Эти слова навели Элейн на мысль: когда найдут тело, то выяснится, что убитый покинул таверну с ней, Элейн. А она скажет, что он «что-то надумал», вынудив ее защищаться. Спасет ли это от виселицы? Смотря кто будет судить, карнаби или кападонцы.

Элейн решительно отказывалась разговаривать с Оддином, пока они ехали на лошади. Она даже не назвала своего имени. Он же время от времени пытался начать беседу, но ледяное молчание быстро остужало всякое желание.

– В компании ехать веселее, чем в одиночку, не правда ли? – произнес он с нескрываемой иронией, когда очередная попытка заинтересовать ее какой-то темой для разговора провалилась.

– Я бы предпочла ехать одна, – наконец отозвалась Элейн, давая понять, что болтать не собиралась.

Ей нужно было решить, как убить его, а он без конца отвлекал.

Оддин хмыкнул, но чуть позже снова поделился совершенно ненужной историей:

– Однажды недалеко отсюда на меня напали разбойники. – Он указал куда-то в сторону лиловой вересковой пустоши. – Их было с полдюжины.

– Но они вас не убили, – равнодушно заметила Элейн.

– О нет. – Оддин сидел у нее за спиной, она не видела его, но слышала улыбку в голосе. – Я весьма недурно владею саблей...

Он похлопал по инкрустированной синими камнями рукояти. Элейн прикрыла глаза. Она так близко сидела к мужчине, убившему всю ее семью, что спиной чувствовала тепло его тела. Ехала с ним на одной лошади и слушала о подвигах. Ей становилось дурно от мыслей об этом, и она сильнее вцепилась в седло, чтобы не рухнуть на землю.

– Так что можете чувствовать себя в полной безопасности, – невозмутимо заявил Оддин. – Я могу в одиночку побороть не меньше десятка преступников.

Элейн нервно выдохнула.

– Особенно если половина из них – дети? – спросила она тихо.

Он не услышал или не нашелся с ответом.

Стемнело. Запахло холодной землей, влажными листьями и ночными цветами. Дорога лежала через открытую местность, залитую лунным светом. Благодаря тому, что приближалось полнолуние, всадник мог видеть дорогу.

– Почему вы выехали вечером? – спросила Элейн, когда они остановились на привал. – Не лучше ли было отправляться в дорогу рано утром?

– Меня ждут в Хапо-Ое, я и так задержался, – ответил Оддин, привязывая лошадь к коряге.

Он достал лепешку и разделил ее пополам, протягивая половину Элейн. Но она не могла принять еду из рук убийцы, поэтому молча извлекла из сумки собственный хлеб и стала есть.

Утолив голод, она попросила пергамент и перо с чернилами. Оддин с готовностью откликнулся на просьбу: на поясе, держащем саблю, у него висел небольшой вышитый кошель, в котором хранились письменные принадлежности.

Пока Оддин отдыхал, Элейн отошла в сторону, разместилась на плоском камне и стала составлять список возможных способов убийства. Сделать это в уме не получалось: мысли все время путались, уплывая в ненужном направлении.

Медленно выводя каждую букву, неаккуратным почерком

она написала:

1. Утопить
2. Отравить
3. Зарезать
4. Сжечь
5. Затоптать лошадьё
6. Застрелить из лука
7. Задушить

Получив довольно короткий перечень, она пожалела, что никогда не слушала новости и сплетни о преступлениях, совершенных в Лимесе.

С отравлением ничего не вышло, зарезать его она не смогла. Утопить такого здорового солдата казалось сложной задачей. Пока Элейн, нахмурившись, размышляла над тем, был ли шанс застрелить Оддина из лука, тот незаметно подошел сзади и заглянул через плечо в пергамент.

– Проклятье! Что это такое? – воскликнул он.

Элейн торопливо прикрыла записи ладонями, но было поздно.

– Не ваше дело...

– Я настаиваю! Объяснитесь! Если хотите продолжить путешествие, а не остаться в этом ночном лесу одна.

Напряженные нотки в голосе Оддина заставили Элейн быстро найтись с ответом.

– Я пишу, – ответила она, устало вздохнув, – список, как вы можете мне навредить. Чтобы быть готовой.

Пару секунд он стоял рядом и недоуменно смотрел на Элейн. Затем, с трудом сдерживая смех, склонился и аккуратно отодвинул ее ладонь, чтобы изучить список.

– Здесь не хватает как минимум трех пунктов, – сказал он.

– Каких? – с готовностью спросила она.

Вместо ответа Оддин громко рассмеялся и предложил ей продолжить путь. Поджав губы, Элейн согласилась.

Вплоть до следующего привала ей не давала покоя мысль об этих трех пунктах. Элейн требовались идеи. Как еще можно убить человека?

– Обрыв! – вдруг воскликнула она, отчего Оддин ошутимо вздрогнул.

– Где? – уточнил он.

Они ехали по бескрайней равнине: левее вдалеке, за зеленым лугом, можно было различить небольшие холмы, а с другой стороны, насколько было видно, бугрилось мелким камнем бесконечное поле с короткой рыжей травой.

– Мы будем проезжать обрыв? – возбужденная новой мыслью, спросила Элейн.

Оддин задумался на мгновение, затем ответил:

– Да, сразу за Старой Пустошью. Утес Пейхед, а за ним целая череда Неистового гона.

– Пейхед? – переспросила Элейн. – «Расплата»?

– Мм? – протянул он вопросительно.

– «Пейхед» с языка древних – «Расплата», – пояснила Элейн и удовлетворенно кивнула собственным мыслям.

Если не справится с ним раньше, попытается скинуть с этого утеса. Лучшей смерти во имя мести не придумаешь.

Но полагаться только на утесы не стоило – до них было еще несколько километров пути. Спустя некоторое время она поинтересовалась:

– Здесь водятся ядовитые змеи?

– Разумеется. Но не беспокойтесь, они нападают только в случае опасности. Обычно змеи, хоть ядовитые, хоть нет, стараются избегать людей. Так что увидите змею – не пытайтесь ее отогнать, а просто уходите как можно дальше.

Элейн была рада такому уточнению. Теперь она знала, что делать, если поблизости будет гадюка: тыкать в нее палкой.

Но, разумеется, встреча с ядовитым тварями – дело случая, надеяться на такую удачу не стоило. Поэтому вскоре она уточнила:

– На пути будет река? – Мысль о том, чтобы утопить его, все же казалась привлекательной.

– Не река, а так, ручей скорее.

Она чуть помолчала.

– А вы знаете, как приманить медведя?

– Не хотите поспать? – В голосе Оддина послышалась усталость. – Можете чуть откинуться назад, положить голову мне на грудь.

Элейн напряглась и выпрямила спину. Он хмыкнул, но не

стал настаивать.

Пока они ехали, Элейн размышляла о том, что, окажись тут ночью одна, тряслась бы от страха. Вокруг не было ни души. Но то тут, то там мерещились дикие звери и разбойники. И как бы ей ни хотелось отомстить Оддину Торэму, но встреча с опасностью все равно пугала. Еще больше пугала скрытая угроза, неизвестность. Когда они проезжали холм с заброшенным каменным домом на вершине, ей показалось, что среди развалин что-то мелькнуло. Все внутри напряженно сжалось, живот неприятно скрутило от тревоги. Но Один в этот момент громко рассмеялся над собственной шуткой. Так громко, что даже птица, сидевшая на большом камне, испуганно каркнула и взлетела. Его смех развеял страхи, оставив только раздражение от манеры так громко хохотать над собственными каламбурами.

Спустя время они действительно достигли ручья и остановились, чтобы напоить лошадь.

– Знаете, а я вздремну немного, – заявил Один, падая на мягкую траву. – Глаза закрываются, а путь нас ждет долгий.

Он подложил под голову свернутый плащ и, уже с закрытыми глазами, пробормотал:

– Можете тоже лечь отдохнуть, если уж в моих объятиях вам не спится...

Он уснул буквально через минуту. Элейн подошла ближе и склонилась послушать мерное дыхание. Ее сердце заби-

лось чаще. Это был удобный момент осуществить задуманное. Она огляделась и увидела большой острый камень.

А ведь о том, чтобы разmozжить ему голову, она даже не думала! Хорошие идеи часто приходят спонтанно.

Элейн с трудом подняла валун размером как раз с голову Оддина.

Она медленно приближалась к спящему карнаби, удивляясь, что сознание было ясным, а слух отчетливо улавливал и тихое сопение, и шум листвы, и свист далеких ночных птиц.

Элейн занесла камень, чувствуя, как тот выскользывает из вспотевших рук. Прикрыла глаза, не веря, что действительно готова сделать это.

И тут Оддин перевернулся на бок, ощутимо ткнув ее локтем в ногу. Колени подкосились, Элейн не удержала камень, и тот упал в сантиметре от светловолосого затылка.

Оддин тут же проснулся и вскочил на ноги, ошарашенно глядя на Элейн. Та застыла, приоткрыв рот, в ужасе глядя на несостоявшуюся жертву.

«Теперь он убьет меня», – мелькнула мысль. Но вместо того чтобы подскочить к Элейн и перерезать ей горло, Оддин присел к камню, который едва не проломил ему череп, и проговорил:

– Вы спасли меня?

– Что? – задохнулась она.

Оддин играючи поднял валун. Увидев под ним раздавленную змейку, Элейн едва сдержала возмущенный вопль.

Вместо того чтобы убить Оддина, убила змею, которая могла убить его?

– Это не ядовитая, – произнес он, улыбаясь, и легко отбросил камень в сторону. – Уж. Видите желтые пятна за глазами?

Она видела. Отметины духа леса. Мама когда-то рассказывала легенду: уж хотел укусить духа во сне, тот рассердился, схватил змея и при помощи колдовства лишил яда. А отпечатки пальцев так и остались.

Видимо, потрясение, смешанное с возмущением, отразилось на лице Элейн, потому что с явным намерением приободрить Оддин добавил:

– Но спасибо вам. Не каждая решилась бы на такое.

– Пустяки. – Она устало прикрыла глаза. – Ложитесь, отдыхайте дальше.

– Хм, нет, спасибо. Знаете ли, усталость как рукой сняло.

Ехать ночью было непросто. Элейн изо всех сил боролась со сном и была рада следующей остановке. В этот раз Оддин решил разжечь костер, так как намеревался поджарить лепешки.

Пока карнаби разжигал огонь, Элейн пошла прогуляться по окрестностям. Она прохаживалась вдоль края опушки, когда рукав платья зацепился за куст. Это заставило ее обратить внимание на темные ягоды, растущие на тонких ветках.

Белладонна! Ядовитые плоды этого растения Элейн видела лишь однажды, но хорошо запомнила.

В тот день они с матерью и братьями отправились в лес. Донни чуть отстал. Он остановился у куста с темно-синими ягодами, устроившимися в зеленых звездочках-чашечках. В тот самый момент мама решила вернуться к нему, чтобы поторопить. Чудом она успела остановить сына, уже потянувшегося к кусту. Прижимая к себе Донни, она подозвала остальных детей и велела как следует запомнить вид белладонны.

– Пускай красивое название не обманывает вас, – сказала она, нервным движением убирая рыжие волосы за уши. – Съев всего одну, вы не сможете дышать, во рту будет жечь, начнутся судороги, а за ними последует неизбежная смерть.

И теперь, закусив губу и часто дыша от нахлынувших воспоминаний, Элейн стала остервенело рвать ягоды. Подняв подол юбки, она начала складывать добычу в него, как в корзину. Увлечшись и ничего не замечая, она громко закричала, когда что-то набросилось на нее сзади, толкая на землю.

Это был Оллин. Он накинулся, не позволяя встать, схватил за юбку и начал трясти ткань. Элейн попыталась отползти. Но только когда все ягоды оказались на земле, он встал, облегченно утерев лицо, а затем легким движением поставил на ноги напуганную Элейн.

Сейчас его взгляд был почти таким же безумным, как тогда, в Думне. Только в нем читалось не желание убивать, а

искренняя тревога.

– Вы с ума сошли, милая девушка? – выдохнул он. – Это же белладонна.

Глупо было не подумать: другие люди тоже знали, что ягода ядовита. Элейн мысленно ругала и себя за недалекость, и Оддина – за осведомленность.

– Есть... захотелось... – невнятно ответила она, глядя в сторону, чтобы скрыть разочарование в глазах.

За этим последовала лекция о том, как отличить белладонну от других ягод. Оддин объяснял долго и обстоятельно. Элейн чувствовала, что уже готова зарезать его саблей.

Она снова отказалась от лепешек, достав свой хлеб. Глядя на то, с каким аппетитом карнаби ел, вдыхая хлебный запах, Элейн нервно сжимала руки. Может быть, стоило просто сжать ему горло так, чтобы он не мог больше ни жевать, ни дышать? Запихнуть лепешку ему в самую глотку?

Рассвет застал их в прекрасном месте. За Старой Пустошью начинались холмистые пейзажи Лой Дун. Далеко на юге можно было различить серые скалы гор Монтабарду. А на востоке в бесконечность уходило шумное море, над которым теперь медленно полз вверх оранжевый солнечный диск.

– Великолепный вид, не правда ли? – проговорил Оддин Элейн в ухо, чуть потянув вожжи, чтобы замедлить коня.

– Человек может восхищаться красотой природы, но при этом ни капли не ценить жизнь другого человека, – откры-

венно поделилась своими мыслями Элейн.

– Мне кажется, – задумчиво отозвался ее спутник, – только доброе сердце способно видеть красоту мира.

Элейн досадливо покачала головой.

– Как вам удается казаться таким добродетельным и благородным? – не выдержав, спросила она.

На мгновение повисла пауза. «Не ожидал, что его раскусят», – поняла Элейн.

– Никто не безгрешен, и за мной числятся деяния весьма дурные. Однако мы слишком мало знакомы, чтобы вы могли оценивать мою искренность и прочие черты характера.

Элейн чуть обернулась, чтобы посмотреть карнаби в глаза. От восходящего солнца, что светило ему в лицо, кожа казалась персиковой, а голубые глаза – совсем светлыми.

– Знакомство наше действительно поверхностно, – произнесла она негромко, отворачиваясь. – Я знаю только, что кара рано или поздно настигает каждого, соразмерно поступкам.

Оддин ответил не сразу.

– Это не так, – сказал он убежденно. – Не надо тешить себя иллюзиями. Быть может, после смерти есть справедливость. Но на этом свете ее вам не найти.

Он пришпорил коня. Разогнавшись, всадник затормозил лишь у самого края. Прямо перед ними зеленый ковер прерывался обрывом. Почти белые неровные срезы утесов Пейхед и Неистового гона уходили далеко вниз, туда, где полос-

ка галечного пляжа омывалась бурой водой.

От величественности картины, которую создала природа, у Элейн захватило дух. Она посмотрела вниз, и сердце в груди на мгновение замерло. Обрыв выглядел прекрасно и в то же время ужасающе.

На размышления была лишь секунда. Элейн резко ударила лошадь пятками. Схватившись за вожжи, она хлестнула животное, и, громко заржав, оно встало на дыбы.

Но вместо того чтобы броситься вперед с обрыва, конь, взбрыкнув, сбросил всадников и неровным аллюром ушел в сторону.

Упав на спину, Элейн сперва не могла ни пошевелиться, ни сделать вдох. От удара все внутренности так встряхнуло, что с минуту она пыталась понять, жива ли, может ли дышать и двигаться. Голова наполнилась тупой болью, грудь сдавило, будто на нее уселся сонный демон, о котором рассказывала мама. Наконец Элейн удалось набрать исцеляющего воздуха в легкие и, хрипя и кашляя, перевернуться на живот. Тут же ее взгляд уткнулся в кожаные сапоги.

Один с уже привычной легкостью поставил девушку на ноги. Буравя ее разъяренным взглядом, он требовательно спросил:

– Что. Это. Было?

В этот момент Элейн осознала, что карнаби стоял на самом краю обрыва. Его силуэт был очерчен золотым ореолом восходящего за спиной солнца.

Их разделяла пара шагов. Она переступила с ноги на ногу, чтобы оказаться чуть ближе к жертве.

– Все просто. Я родом из Думны. Слышали о такой?

Лицо Оддина переменялось, потеряв все краски. Руки, сжимавшиеся в кулаки, безвольно опустились вдоль тела.

– Этого не может быть, – потрясенно проговорил он.

Если у Элейн и были какие-то сомнения, – уж слишком хорошо притворялся этот человек, – то теперь они развеялись.

– И я была там десять лет назад, – проговорила она. – Я единственная, кто выжил во всей деревне.

Что это, жалость мелькнула в глазах монстра?

– И самое главное: я видела там вас.

С этими словами она рванула вперед, со всех сил толкая Оддина в грудь. Он сделал несколько шагов назад, оступился, камни посыпались вниз. До земли было не меньше двухсот метров.

В последний момент Оддин сумел зацепиться за жалкий колючий куст, что рос на самом краю.

Элейн, которая сперва тоже потеряла равновесие и упала на колени, поднялась. Она хотела подскочить к нему, ударить по руке, позволить сорваться вниз, но не успела, он был ловчее и сильнее.

Все было кончено. Элейн поняла, что упустила последний шанс отомстить своему врагу, а он, узнав правду, не проявит жалости. Она начала медленно пятиться, в то время как кар-

наби, подняв руки, будто показывая, что не опасен, подошел к ней.

– Вышло недоразумение... – начал он, но Элейн зло расмеялась.

– Я помню ваше лицо отчетливее, чем лица отца, матери и братьев, которых вы убили! Убили у меня на глазах! – Она сорвалась на крик. – Всех до одного, даже Донни. Что вам сделал четырехлетний ребенок? Вы животное, бессердечное животное, вы...

– Выслушайте меня! – прогремел Оддин, достав из ножен саблю.

Элейн понимала, что он мог настигнуть ее всего в два больших шага. Поэтому в последние мгновения своей жизни решила высказать все, что было у нее на душе. Она изливала на Оддина всю ненависть, что бережно хранила долгие годы. Кричала, вспоминая самые грязные ругательства, и плакала от отчаяния. Несмотря на безумную решимость последовать за ним вниз с обрыва, сейчас она испытывала страх. Элейн видела блестящую в лучах восходящего солнца саблю, и ужас пронзал ее существо. Она не хотела умирать и в порыве дикой храбрости снова бросилась на Оддина. Вгрызлась зубами в руку, которой он держал оружие. Он громко зашипел и попытался отшвырнуть Элейн в сторону, но она, впившись пальцами в широкие мужские плечи, обхватила его талию ногами, а затем вцепилась в светлые волосы.

Она почти ожидала удара в спину, но Оддин только без-

успешно пытался оторвать ее от себя, громко ругаясь. Воскликание, что он столкнулся не с женщиной, а с демоном Кат Ши, было самым ласковым проклятием в ее адрес.

Он опустился на колени – по собственному желанию, а не благодаря стараниям Элейн – и, отбросив в сторону саблю, попытался прижать обезумевшую девушку к земле.

Именно в это мгновение она вспомнила об универсальном приеме, способном остановить любого мужчину. Ударив Оддина коленом в пах, она увидела, как он, скорчившись, перевернулся на бок.

Однако, когда она попыталась дотянуться до сабли, Один схватил Элейн за юбку и отшвырнул в сторону. Ткань платья чуть треснула, его хозяйка больно ударилась о землю, но ярость все еще кипела в ее крови. На четвереньках она подскочила к карнаби и стала бить то локтями, то кулаками.

– Успокойся, успокойся, сумасшедшая! – слышала Элейн, но совершенно не собиралась сдаваться. – Острые же у тебя кости!

Один выставлял ладони вперед, пытаясь защититься, но когда понял, что Элейн не собирается останавливаться, все же исхитрился поймать ее запястья. Он сжал их на мгновение, а затем привстал и заломил ей за спину.

Элейн тяжело дышала, но сил вырваться, кричать и даже разговаривать у нее уже не осталось. Она попыталась освободиться, но Один прижимал ее к себе слишком крепко – так крепко, что она начала задыхаться.

– А теперь угомонись. Это был не я в Думне, – весомо проговорил Оддин, немного запыхавшись. – Там был мой брат.

Мир сузился до крохотного клочка земли, до крепких объятий. Элейн замерла, слушая собственное сердцебиение и дыхание карнаби. Он оттолкнул ее, выхватив саблю.

– Предупреждаю сразу: дернешься – и лезвие оставит глубокий шрам.

Острие коснулось ее щеки. Элейн перевела взгляд на Оддина.

– Выслушай меня. В конце концов, ты из Кападонии, а, как я слышал, если кападонцы чем-то и славятся, помимо чрезмерного упрямства, так это умением слушать.

– Ничего подобного, – отозвалась Элейн, косясь на пускающую блики сталь.

– Не лучший момент, чтобы со мной спорить, не находишь?

Оддин говорил беззлобно, но Элейн была вынуждена мысленно согласиться, поэтому просто промолчала.

– Я... слышал о Думне. Знаю, что там произошло. И приношу свои глубочайшие соболезнования. Но я никогда не был в этом месте. Тем отрядом, – Оддин вздохнул, – руководил мой старший брат. Мы очень похожи, поэтому неудивительно, что ты перепутала.

– Ты лжешь. Я помню твое лицо в мельчайших деталях. Я помню родинки на скуле.

– Ошибаешься, у моего брата родинка на щеке, возле

уголка рта.

– Но...

Она замерла. Теперь, когда Оддин сказал об этом, у нее появились сомнения. А помнила ли она вообще о родинках до того, как встретилась с Оддином в Лимесе?..

– Посмотри на меня. Внимательно.

Она встретилась взглядом с парой светлых глаз. Нет, в них не было безумия, бессмысленной жестокости, что была у того человека. Но тогда он мог находиться в невменяемом состоянии, опьяненный многочисленными кровавыми расправами.

– Сознание играет с тобой злую шутку, – мягко произнес он, опуская оружие, – дорисовывая картинку, которая отложилась в памяти. Кажется, что ты видела именно меня, но если бы здесь оказался мой брат, то сразу осознала бы ошибку. Мы похожи; встретив нас по отдельности, малознакомый человек легко может ошибиться. Когда же мы рядом, разница очевидна. Кто-то говорит, что у Ковина жестокие глаза. Кто-то считает, что у него более резкие черты лица. Третьи сразу отмечают родинки. Я же считаю, что наше главное отличие в том, что в брате просто нет ничего человеческого.

Элейн нахмурилась. Было так легко поверить. Оддин действительно показал себя открытым, заботливым. Разве мог этот человек убить ребенка?

Но, с другой стороны, ничто не мешало ему просто водить ее за нос.

– Пойми, если бы в это путешествие ты отправилась с Ковином, оно закончилось бы для тебя совершенно иначе.

– Оно еще не закончилось, – многозначительно отозвалась она, упрямо приподняв подбородок.

Оддин закатил глаза.

– Если бы на моем месте был он, уже бы закончилось. Он не помогает людям из человеколюбия. Ему чужды понятия чести, доброты, сострадания. Он не доверяет никому, и никто в своем уме не станет доверять ему. Впрочем, он способен нравиться, если нужно. В конце концов, он не менее привлекателен, чем я.

Элейн невольно издала смешок, но быстро взяла себя в руки и серьезно ответила:

– А может, ты сейчас пытаешься ввести меня в заблуждение?

– К чему мне искать аргументы, когда самый весомый и так в моих руках? – Он коснулся рукояти сабли. – Я мог бы дюжину раз убить тебя, а тело сбросить в море.

Элейн подняла руку, призывая к тишине. В голове всплыло воспоминание из детства.

– Мы проведем обряд огня правды, – решительно заявила она.

Оддин на мгновение прикрыл глаза, а затем ответил:

– Если это не смертельно, я согласен.

– Зависит от того, лжешь ты или нет, – невозмутимо отозвалась Элейн, озираясь в поисках хвороста. – Разожги ко-

стер, а я подготовлю остальное.

Зажигать огонь правды ее научила бабушка. Будучи ребенком, Элейн множество раз пользовалась им, чтобы убедиться в честности братьев. Став взрослой, она собиралась сделать это впервые.

Собрав несколько веток, она достала ленту из уже порядком растрепавшейся прически и связала ею пучок. Затем чуть посыпала все это землей и трижды сказала: «Дай ответ. Накажи лжеца. Укажи истину». После этого сунула кончик связки в горящий огонь. Ветки загорелись. Элейн поставила связку на землю перед Оддином. Сама, как и он, села.

– Поднеси руку к огню, – велела она. – Повтори все, что сказал мне. И помни, если только скажешь слово неправды, пламя оставит ужасный ожог.

Оддин скептически посмотрел на огонь.

– Послушай-ка, я не уверен, что правильно понял...

Элейн молча схватила его руку и поднесла к огню. В его светлых глазах вспыхнуло изумление: он неизбежно должен был почувствовать жар, но этого не произошло. Небольшое пламя точно было призраком: оно вело себя как огонь, колыхалось от ветра, заставляло ветки дымиться и источать горелый запах. Но жара не было.

– Продолжай держать руку и говори. И помни про ужасный ожог!

– Я не смог бы забыть, даже если бы захотел... Эй! – Он отдернул ладонь, так как внезапно почувствовал горячее

пламя.

– Небольшая, несерьезная ложь, – прокомментировала это Элейн. – У огня правды нет чувства юмора. Давай еще раз.

Оддин вновь поднес руку и осторожно заговорил:

– Я не бывал в Думне. Я не убивал в Думне людей. У меня есть брат Ковин, очень похожий на меня. Я знаю, что он руководил отрядом в Думне.

– А ты знаешь, что там произошло?

– Да, увы.

Теперь Элейн верила, что Оддин говорил искренне.

– Тогда почему твой брат еще на свободе?

Взгляд светлых глаз впился в ее лицо.

– Я могу убрать руку? – Оддин многозначительно взглянул на огонь правды.

Хворост быстро догорал, превращая ветки и ленту в пепел, который тут же разлетелся над равниной. Элейн серьезно кивнула.

Они продолжали сидеть на траве у догорающего костра. Солнце уже поднялось выше, но атмосфера свежего утра на морском побережье все еще ощущалась. Ветер трепал волосы путешественников, заставлял мягко шевелиться траву, шумел листвой редких кустов. Немногочисленные деревья здесь, как заметила Элейн, росли под уклоном. Привыкшие к шторму, даже в штиль они будто кланялись ветру.

– Насколько мне известно, – медленно заговорил Оддин,

упираясь локтями в колени и утыкаясь подбородком в кулаки, – глава клана не подписал документ, что они подчинились Его Величеству. Отряд Ковина отправили навести порядок. Но, разумеется, ничто не оправдывает жестокости, с которой они обошлись с жителями.

– Папа подписал документ, – процедила Элейн, глядя вдаль.

Она чувствовала, что не может совладать с эмоциями. Они кипели в груди и пытались найти выход. Прикусив губу, Элейн боролась с подступающими слезами.

– Папа? – выдохнул Один. – Твой отец был главой клана Мун?

– Да, – кивнула она, – и он *подписал* документ.

Запустив руку в пшеничные волосы, ее собеседник рассеянно посмотрел вдаль. Несколько секунд он молчал. Затем выдавил:

– Вероятно, произошла какая-то ошибка...

– Да. Ошибка была в том, что он доверился... Он думал, что все в порядке и мы в безопасности...

Не в силах больше держать это в себе, Элейн доверила Оддину все, что помнила о той ночи. Рассказ получился сухим, если только нелестные эпитеты в адрес карнаби делали его эмоциональнее. Но под конец голос ее сорвался. Она не смогла закончить историю.

Внимательно слушавший исповедь, Один аккуратно сжал ее ладонь. Элейн непроизвольно одернула руку.

– Мне жаль. – Никакой огонь был не нужен, чтобы понять, что слова были произнесены искренне. – Ты пережила ужасные события. Но знай: не все карнаби такие кровожадные, как мой брат и его отряд.

Элейн чуть помолчала. Теперь Оддин действительно не казался настолько отталкивающим, как при первом знакомстве. И, возможно, именно этот карнаби был достойным человеком. Что могло означать лишь то, что она столкнулась со счастливым исключением.

Повисла долгая пауза.

– Как же так получилось, что два брата выросли такими разными? – спросила она.

– Никто не прилагал к этому никаких усилий. Все вышло естественным образом. Наша мать считает, что духи разделили между нами добродетели и пороки, случайно наградив меня только первыми, а Ковина только вторыми.

– Не слишком-то скромно с твоей стороны, верить в это. – Элейн покосилась на собеседника.

Тот усмехнулся.

– Если не нравится, вот объяснение отца: я вообще не должен был родиться. Оказался настолько слаб, что не сумел сам выбраться из утробы. – Судя по интонациям, это была цитата. – Появился на свет лишь благодаря талантливому, даже одаренному лекарю. Отец пытался сделать из меня настоящего воина, сильного и беспощадного, но коль природа не преуспела, то и он не смог. К счастью, отец уже умер, когда

я решил посвятить свою жизнь служению, иначе проклял бы мой род до седьмого колена.

Элейн глядела на него с неммым вопросом в глазах.

– Я – полицейский комиссар нашего города. Ловлю бандитов, ищу воров. Собственно, потому и приехал в Лимес. Узнал, что один очень неприятный тип бежал в Кападонию. Шериф говорил мне, что нет смысла ехать за ним, ни один кападонец не поможет карнаби, но я счел, что правосудие выше предрассудков. – Оддин усмехнулся, но в его голосе было мало веселья.

Очевидно, во время путешествия он осознал, что был неправ. Элейн понимающе кивнула, а затем спросила:

– Ты общаешься с братом?

– Если только сталкивает случай. Он мормэр в Нортастере, а я служу в Альбе.

Они немного помолчали, задумчиво глядя на волнующееся море и набухшие белые облака на ясном синем небе. Затем Оддин спросил:

– Объясни-ка, зачем спасла меня от змеи, если все равно собиралась убить.

Она перевела на него удивленный взгляд.

– Тем камнем я пыталась убить не змею, – негромко ответила она.

Осознание правды отразилось на лице Оддина.

– Пыталась размозжить мне голову? – уточнил он мрачно. – Это было бы очень грубо с твоей стороны, ведь я вы-

звался бесплатно подбросить тебя до Мидленда.

– Убить тебя не так-то просто, если хочешь знать! – поделилась Элейн.

– Не могу разделить твою досаду, – покачал он головой.

Они посидели еще немного. Затем Элейн приняла лепешку, которую достал из мешочка ее спутник. Она не съела, а проглотила ее, запив доброй порцией воды.

Еще ей до головокружения захотелось спать. Заметив, как Элейн устало трет глаза, Оддин любезно предложил отдохнуть, пообещав беречь сон.

– Мы теперь не враги. Можешь мне доверять, – убедительно произнес он, глядя, как неуверенно Элейн опускается на траву.

Доверять карнаби она бы не стала, даже Оддину. Но отдых был жизненно необходим, ведь вскоре ей предстояло принять серьезное решение: искать ли теперь Ковина и попытаться отомстить? Или выпустить злобу из сердца и забыть обо всем?

* * *

Она шла по улице, залитой лучами утреннего солнца. На траве проступила роса, в воздухе нестерпимо пахло пробудившимися цветами и... кровью. Минуя сгоревший дотла дом Поппи, подружки, с которой они часто ходили смотреть, как стригут овец, Элейн оказалась во дворе суконщика. По

правую руку она увидела свежеекрашенные полотна ткани, развешенные на веревке, а по левую – тело хозяина, расщепленное надвое чьей-то острой саблей. Мужчина, очевидно, пытался закрыть собой семилетнюю дочь. Элейн надеялась, что он умер первым и не увидел, как рядом упал его ребенок.

Девушка продолжала идти по невыносимо тихой деревне, ее взгляд выхватывал из утреннего тумана людей, убитых и брошенных. На дороге, во дворе, на крыльце собственного дома. Она знала их всех, со многими разговаривала только вчера. С теми двумя мальчишками прошлым утром набирала воду из колодца и пила из одной деревянной плошки. Они и теперь были у воды, ручей окрасился красным от их юной крови.

Элейн плакала. Беззвучно и бездумно, не осознавая до конца своего горя. Ей было больно, бесконечно больно, и нельзя было понять, что в этой смеси было от потери, что от страха, что от злости.

Подойти к собственному дому она долго не решалась. Но прежде чем навсегда покинуть Думну, она должна была в последний раз зайти в свою комнату, взять вещи, забрать что-то, оставив свое сердце навсегда в родной деревне рядом с родителями и братьями.

Широкая, желтая от песка дорога вела в ближайший городок. Взглянув в последний раз на серые крыши Думны, Элейн пошла прочь, крепко зажмурившись на мгновение и сжав кулаки.

Открыв глаза, она увидела мужское лицо, на всю оставшуюся жизнь отпечатавшееся в памяти. Резким взмахом руки Элейн оставила на смуглой щеке три глубоких царапины. Большого вреда причинить не удалось, противник был готов к новой атаке. Он сжал ее руки, вглядываясь в округлившиеся от ужаса глаза.

– Тебе приснился плохой сон? – спросил он. – Ты плакала.

Элейн медленно выдохнула. Вспомнив, где была и с кем, она, почувствовав, что снова свободна, села поудобнее и утерла слезы.

– Мне часто снится, как я уйду из Думны, – сухо ответила она, не считая нужным извиняться.

Потирая щеку, Оддин спросил:

– А как ты оказалась в Лимесе? И как так вышло, что дочь главы клана теперь... – Он обвел рукой ее явно небогатый наряд.

– Прачка, – подсказала Элейн, а затем, чуть помолчав, ответила: – У меня не осталось клана. Нас было немного. Считай, наша деревня, и все. И тех, кто знал меня, знал отца, тоже больше нет.

– Да, но, насколько мне известно, у кападонцев очень сильны межклановые связи. Узнав о том, что сделал карнаби, глава любого клана принял бы тебя в свою семью. Я ду-

маю даже, любой с радостью сделал бы женой наследника. Ты могла бы жить совсем другой жизнью.

Элейн несколько мгновений смотрела на Оддина, вникая в смысл сказанного.

– Я никогда не думала об этом. После того, что случилось, я не могла ни есть, ни пить, не то что думать о браке. И мне было десять. Казалось, мир рухнул, и я осталась одна посреди руин. Ощущение полного, бесконечного одиночества и незащитности. Мне было так плохо, что однажды, проходя мимо бурной реки, я всерьез подумала о том, чтобы прыгнуть в нее.

– Что тебя остановило?

Она ответила не сразу, а затем кивнула в сторону Оддина и пояснила:

– Твое лицо. Я снова мысленно увидела его перед собой и подумала, что не стану своими же руками доделывать то, что не удалось убийце. Много позже мне приснилось, что вся моя семья где-то далеко, на каком-то залитом светом лугу. И они все видят меня оттуда и улыбаются. Они рады, что я продолжаю жить. После сна я перестала думать о том, чтобы свести счеты с жизнью.

– Наверное, это был приятный сон, – тихо проговорил Оддин.

Элейн улыбнулась, но в глазах было мутно от слез.

– Послушай... – Он чуть сощурился и другим тоном спросил: – Может, теперь скажешь свое имя?

Смысла скрывать его больше не было, и она назвалась.

– Так что, Элейн из клана Мун, что ты собираешься делать дальше? – Вопрос Оддина застал ее врасплох.

Она боялась думать об этом, хотя где-то глубоко внутри ощущала необходимость принять решение.

– Мне нужно обратиться к картам, – ответила она.

– К картам? – Оддин удивленно поднял брови. – Ты гадаешь? Будущее шепчут демоны, не стоит девушке заниматься таким, да еще и рассказывать каждому встречному.

Элейн достала из мешочка колоду и, помешивая, объяснила:

– В этом нет ничего демонического. Карты нарисовала моя мама. В детстве это была такая игра: я могла задать любой вопрос, вытянуть одну и попытаться понять ответ духов. Но... мама много раз говорила, что я сама знаю ответы на все вопросы, нужно лишь заглянуть в свое сердце. Карты просто помогают сделать это. Они раскрывают передо мной мою душу.

Оддин слушал заинтересованно, медленно кивая, вовсе не думая насмеяться. Элейн вспомнила, как рассказывала то же самое знакомому конюху. Тот просто махнул рукой, назвав это «бабскими глупостями».

Глубоко вздохнув, она прикрыла глаза и достала карту из самой середины колоды.

Замок или богатый особняк из красного кирпича был

изображен на фоне темного неба. Можно было бы предположить, что шел дождь, начиналась буря. Два всадника подъезжали к открытым воротам. Судя по тому, как были изображены лошади, всадники спешили.

**Глава четвертая,
в которой Элейн
оказывается в Нортастере**

Замок или богатый особняк из красного кирпича был изображен на фоне темного неба. Можно было бы предположить, что шел дождь, начиналась буря. Два всадника подъезжали к открытым воротам. Судя по тому, как были изображены лошади, всадники спешили.

Элейн хоть ни разу не бывала в Нортастере, но знала, что в городе было много новых современных зданий из красного кирпича. Карта явно указывала на то, что ей следовало отправляться в город, где сейчас жил настоящий виновник, Ковин Торэм. И пора было обзавестись собственной лошадью. Конь Оддина щипал траву неподалеку, это было прекрасное животное, но делить седло с другим наездником все же было слишком неудобно.

– И что же? Что говорит тебе сердце? – с интересом спросил Оддин, делая глоток воды из фляги.

– Я буду искать твоего брата, – отозвалась Элейн, продолжая разглядывать изображение. – Найду его и убью.

Оддин спокойно покачал головой, видимо, не веря, что Элейн говорила серьезно.

– Идея плохая во всех отношениях.

Он взглянул на карту в ее руках.

– И где ты тут увидела призыв к убийству? – Его светлые брови удивленно взлетели вверх.

Элейн поднялась на ноги. Оддин настороженно окинул ее взглядом и тоже встал.

– Ковин – преступник, он заслуживает смерти, – сказала она.

– Да, но ты не судья и не палач.

Его голос изменился: звучал мягко, увещевающе, но Элейн почувствовала в нем скрытое предупреждение.

– То есть он будет наслаждаться жизнью, когда вся моя семья...

– Ты жила десять лет, не думая о мести, – прервал он ее тихо.

– С чего ты взял, что я не думала? Я лишь не знала, с чего начать...

Он покачал головой:

– Если бы хоть немного задумывалась об этом, уже разузнала бы о двух-трех верных способах убийства. То, что не смогла прикончить меня, только подтверждает слова: ты не способна лишить жизни.

– Дай мне свою саблю, и я докажу, что ты ошибаешься! – возразила Элейн, в глубине души зная, что он был прав.

– Не думаю. Не хватает еще, чтобы ты порезалась.

Девушка упрямо сжала кулаки.

– Я смогу убить его.

– Спорим мы не об этом, – говорил он раздражающе спокойно, вероятно уверенный, что держит ситуацию под контролем. – Не о том, хватит ли тебе силы воткнуть ему саблю в сердце, а о том, хватит ли тебе духу сделать это быстро и беспощадно. Если нет, он заберет твой клинок и насадит на

него тебя саму. Ты даже не успеешь сообщить, что пришла мстить за Думну.

Элейн резко набрала воздуха в грудь. Слова Оддина жалели.

– Да и я не смогу оставаться в стороне, зная, что ты затеяла, – продолжил он. – Ковин – мой брат.

– Ты же сказал, что он не человек.

– Но я – человек.

Элейн тихонько зарычала.

– И что ты намерен делать? – спросила она.

Оддин развел руки в стороны, давая понять, что выбор у него невелик.

– Бросать тебя одну здесь, конечно, не стану. Вернемся на дорогу, дождемся какую-нибудь повозку с попутчиками в Лимес...

– Хорошо, – прервала его Элейн. – Будь по-твоему. Но сначала сделаем кое-что. Принеси мне тот камень.

Она указала на небольшой валун, что лежал чуть поодаль.

Оддин удивленно воззрился на нее.

– Я хочу провести обряд, – многозначительно произнесла Элейн. – Принеси, пожалуйста.

Он чуть сощурился, покачал головой, но пошел за камнем. Подошел, аккуратно поднял, развернулся – и увидел Элейн на коне. Она сидела в его седле, держа в руках вожжи.

– Ты не посмеешь... – проговорил Оддин, отбросив в сторону булыжник и обнажив саблю.

Она дернула плечом.

– Не думай, что это доставляет мне удовольствие, – с сожалением сказала она.

– Слезь с лошади, Элейн, – с интонациями человека, готового на убийство, проговорил Оддин.

– Разумеется. Я сделаю это, как только окажусь в Нортастере.

– Не делай глупостей, туда два дня пути. Ты едва держишься в седле. И, я уверен, не знаешь дороги. Давай обсудим твои дальнейшие действия, – очень медленно приближаясь к собеседнице, проговорил он. – Я не хочу, чтобы ты пострадала. У Ковина стража. У него все военные силы Нортастера. Если ты попытаешься напасть, но тебя поймают – а судя по твоим навыкам, так и будет, – тебя ждет ужасное наказание. Ковин не станет церемониться.

– Тогда пожелай мне удачи, чтобы все получилось.

С этими словами Элейн хлестнула коня, и тот поскакал прочь от хозяина. Оддин безуспешно пытался догнать их, крича вслед ругательства.

Она не сбавляла скорость еще долгое время. И не оттого, что опасалась погони, а оттого, что не умела толком управлять лошадью. Ее трясло, она вцепилась в вожжи, прижалась к шее животного и молилась небесам о том, чтобы выжить.

Оставлять Оддина одного у обрыва, посреди лугов и полей, было жестоко. Но он был решительно настроен мешать ей, убийство Ковина же требовало высочайшей сосредото-

ченности.

«Опасно, бесполезно, опрометчиво», – твердил рассудок. Но как бы ни хотелось забыть обо всем, теперь оставить случившееся в прошлом было невозможно: мысли о мести слишком глубоко проникли в сознание, а сердце страстно желало справедливости.

Элейн предстоял долгий путь.

Ни разу не покидавшая Лимес, Элейн не имела большого опыта в путешествиях. Когда-то она одна покинула Думну, но шла без разбора куда глаза глядят. Теперь же у нее была точная цель. Нортастер находился к юго-востоку от Хапо-Ое, границы между Кападонией и Мидлендом, поэтому предстояло сперва добраться до этого приграничного городка. Переночевав там, Элейн рассчитывала попасть в Нортастер на следующий день.

Чуть привыкнув к лошади, она скакала вперед, вглядываясь вдаль, туда, куда уходила песочно-желтая дорога. Элейн одновременно надеялась встретить кого-то, кто мог бы помочь, и в то же время опасалась людей. Ориентируясь по указателям, она упрямо продолжала путешествие, не слишком нуждаясь в ком-либо, но порой сталкиваясь с вопросами, на которые некому было ответить.

Иные повозки проезжали мимо, оставляя только облако пыли, и Элейн не решалась окликать их. Другие сами притормаживали, но она пугалась незнакомых суровых мужчин,

справляющихся о ее делах.

Когда один из всадников остановился с вопросом, куда это «такая рыжая бестия» едет одна, Элейн хлестнула коня, быстро оставила любопытного путника позади и свернула с дороги. В этом месте уже начинался довольно густой лес, поэтому, даже если кто-то преследовал ее, Элейн оказалась в относительной безопасности, спрятавшись меж деревьев.

Проще всего в ее ситуации было бы переодеться в мужчину, но где взять подходящую одежду? Да и яркие кудри было трудно скрыть даже под мужской шляпой. Изобразить старуху? Остричь волосы? Элейн задумалась: кого больше всего боялись и кападонцы, и карнаби? Ответ пришел немедленно: демонов и прокаженных. И если на Кат Ши она походила слабо, что бы там ни говорил Оддин, то вот изобразить прокаженную могла легко. В крохотной деревне Элейн купила хлеба из серого теста. Чуть пожевав несколько кусочков, она налепила их себе на лицо. Вышло достаточно отталкивающе. Теперь вряд ли кто-то прицепится, но и на помощь рассчитывать не приходилось.

Хапо-Ое, хотя и считался приграничной территорией, находился уже в Мидленде. Когда-то именно тут была граница: теперь место, где заканчивались земли кападонцев и начинались земли карнаби, никак не обозначалось.

Элейн въехала в небольшой городок с извилистыми улицами, вдоль которых расположились совершенно разные по

архитектуре дома. В центре над одноэтажными постройками возвышалась трехэтажная управа с приемной мормэра, почтой и полицией. Рядом на площади раскинулся рынок с многочисленными рядами, укрытыми небольшими навесами.

Элейн понимала, что лошадь, временно позаимствованная у Оддина, была очень ценной, поэтому стала искать место для ночлега с хорошей конюшней. Такое нашлось неподалеку от рынка. Трактир с несколькими комнатами наверху был готов предложить постояльцам просторное, чистое стойло с большим запасом еды и воды для животного.

– Хороший скакун, – сказал ей молодой конюх, похлопывая лошадь Оддина.

Элейн вежливо улыбнулась и вознамерилась уйти.

– И, что интересно, – он указал на вышитую вставку на седле, – полицейская.

Он чуть прищурился.

– Откуда у вас лошадь офицера?

Ложь пришла на ум быстрее, чем Элейн от себя ожидала:

– Мой брат служит в Альбе. Дал Стрелу на время.

Молодой человек немного помолчал, а затем все же кивнул и подвел коня к корыту с водой.

Элейн порядком устала от дороги и едва переставляла ноги, но, вместо того чтобы лечь отдохнуть, отправилась на рынок. Конечно, многие торговцы уже покинули площадь. Но несколько лавок все еще были готовы предоставить нужные

ей вещи: мыльный камень, запасы еды, одежду для верховой езды. Последнее было необходимо, так как сидеть в седле без специальных брюк под платьем было невыносимо.

Уже собираясь уходить, Элейн столкнулась с женщиной в темном платье. Они бы просто разошлись каждая в свою сторону, но женщина вдруг произнесла несколько неразборчивых слов и схватила Элейн за руку.

– Ты на пороге чего-то важного, – протянула она неестественно низким голосом.

У Элейн будто все эмоции собрались в груди, стремясь выбраться наружу: сердце отчаянно колотилось, ребра распирало от волнения.

– Дай-ка мне твою руку. – Незнакомка протянула ладонь, и Элейн послушно вложила в нее свою.

Женщина несколько секунд вглядывалась в линии на руке, а затем отпрянула.

– Что у тебя на уме? – спросила она, выпучив глаза.

Трясаясь от страха, Элейн не могла вымолвить ни слова. Она хотела убежать от взгляда этих темных, каких-то сумасшедших глаз. Но все, что могла, – стоять и смотреть.

– Хочешь знать, все ли сложится, как ты задумала? – спросила женщина, делая несмелый шаг к Элейн.

Та безмолвно кивнула.

– Держи-ка.

В руке Элейн оказалось яйцо, завернутое в кусок ткани.

– Разбей, – последовала команда, заставившая растерять-

ся.

Но у женщины нашелся и небольшой нож. Не помня себя от страха, Элейн разбила яйцо, прямо в ткани, как велела женщина.

– Я сейчас разверну лоскут. Если яйцо будет обычным, значит, все получится. Если же с черной сердцевинкой, значит, не бывать тому, чего хочешь.

Женщина начала разворачивать сверток и, едва увидев яйцо, вздрогнула и вскрикнула. Элейн и сама готова была завизжать: сердцевина не была черной. Она была темно-красной. В белке помимо желтка был сгусток крови.

– Что это значит? – спросила Элейн, глядя на незнакомку. Та медленно перевела взгляд с яйца на лицо девушки.

– Это значит, что на тебе лежит проклятье, милая моя. И, судя по всему, уже довольно давно.

Элейн кивнула. Неужели в том, что случилось в Думне, было виновато проклятье?

– Что мне делать? – спросила она, все еще держа в бессмысленно вытянутой руке разбитое яйцо.

– Ох, девочка моя, – произнесла женщина, качая головой. – Если его не снять, то умрет кто-то из твоих близких.

Элейн застыла. У нее во всем свете не было ни одной родной души. Никого, кого можно было бы назвать «близким». Это будто отрезвило ее, она внимательно посмотрела на женщину.

– Я могу помочь, но есть важный момент, – продолжала

та. Черные глаза впились в лицо собеседницы. – За снятие проклятья нужно заплатить. Неважно, сколько, хоть чеканку, главное, чтобы плата была соразмерна возможной утрате.

Вопросительный взгляд был ответом.

– Это значит, – терпеливо пояснила женщина, – что, если спасаем кого-то, кто не слишком дорог, можно отдать две чеканки, да и всё. А если кого-то важного, то и сумма должна быть ощутимой, важной. Понимаешь?

Элейн медленно кивнула. Сознание вернулось к ней, она будто очнулась от дурмана, но теперь не представляла, как избавиться от женщины. Судя по всему – шарлатанки.

– У меня все деньги дома.

– Так ты сходи, я тебя дождусь. Не могу не помочь в такой беде. Не могу отпустить человека с таким крестом на линии судьбы. Иди, неси, а я тут буду.

Уверенно кивнув, Элейн выбросила наконец яйцо и поспешила прочь. Несколько раз она оглядывалась, чтобы убедиться, что женщина не преследовала ее. Петля между лавками, Элейн наконец вышла к речке, протекавшей за небольшим забором, ограждающим рынок.

Сумрак уже начал мягко обволакивать деревья и дома. Противоположный берег казался размытым, выделялась только светлая полоска песка. Элейн побрела по пыльной дороге, не желая возвращаться на площадь.

Карнаби в который раз показали себя. Все они были лживыми, подлыми людьми, способными лишь на обман и убий-

ства. Покинув родной и знакомый до каждого камня Лимес, Элейн чувствовала себя совершенно беззащитной.

Вернувшись в трактир, она купила лепешку с капустой и торопливо направилась в свою комнату. Но едва закрыв дверь, услышала стук. Ее сердце замерло от страха. Она принялась озираться.

– Кто? – спросила она, в то же время проверяя, насколько тяжелым был стул в углу: могла ли она поднять его, чтобы нанести удар при необходимости?

– Меня трактирщик послал, – раздался ответ.

– Зачем?

Мужчина по ту сторону подергал дверь, но Элейн предусмотрительно закрыла ее на засов.

– Открой, я принес вещи.

– Какие?

Стул оказался неподъемным, но Элейн вспомнила про шило. Начав судорожно рыться в сумке, она с ужасом услышала, как незваный гость начал ломиться в комнату. Зачем бы трактирщик отправлял кого-то ломать дверь?

– Уходите, иначе мой муж, когда придет, вас зарежет, – заявила она.

Из коридора послышался смех. Вооружившись шилом и кувшином для воды, Элейн подошла к двери и стала осматривать ее, пытаясь понять, защитит ли толстое дерево, чугунные петли и засов от явного недоброжелателя.

К счастью, преграда показалась ему непреодолимой, по-

этому мужчина вскоре ушел. Но, перепуганная визитом, Элейн сумела уснуть только глубокой ночью, и сон ее был полным тревог и неясных, но пугающих образов.

В путь она отправилась с рассветом, прихватив с собой немного каши. Постанывая от боли в ногах, Элейн оседлала лошадь, намазала кашей лицо и лишь тогда продолжила путешествие.

Мидленд отличался от Кападонии. Здесь, вдали от гор, земля походила на море с зелеными волнами холмов. Леса были ниже, с густым подлеском и мшистыми пнями. Здания карнаби строили не из темно-серого камня, а из коричневого, а то и красного кирпича. Погода тоже сменилась: воздух казался не таким влажным, более теплым. Солнечный диск с самого утра прокрался на голубой небосклон, согревая свежую листву.

Предместья Нортастера встречали путников прямыми, широкими улицами с палисадниками – перед каждым домом за невысоким забором были разбиты небольшие садики, в которых пестрели цветы, едва проснувшиеся после долгих холодов, цвели кусты и деревья, покрытые светло-зеленой молодой листвой.

Но несмотря на то, как вибрировала и звенела пробуждающаяся природа, Элейн не испытывала восторга. Единственное, что она чувствовала невероятно ярко, – что находилась на чужбине. Все вокруг казалось враждебным. Ощущение

усиливалось, поскольку и прохожие, и всадники, едва посмотрев на нее, отводили взгляд. Не сразу Элейн вспомнила, что ее лицо было изрыто «язвами» и «шрамами», которые она сама сотворила из каши. Тогда она, наконец, стерла грим. Здесь, в городе, ей могла потребоваться помощь.

Чем ближе к центру, тем выше становились дома, тем более заполненными людьми и повозками – улицы. Чаше стали попадаться таверны и лавки. Вдоль дороги бродили мальчишки-коробейники.

Из чужих рассказов Элейн знала, что в каждом крупном городе есть ратуша, где трудятся управляющие землями, располагаются советы и суды. Поскольку Ковин был мормэром Нортастера, одного из самых больших городов Мидленда, Элейн не сомневалась, что искать его следовало именно в ратуше. Поэтому она устремилась к главной площади.

Она без труда нашла высокое здание с острыми шпилями и стрельчатыми окнами. Ратуша была украшена богаче других зданий, фасад сплошь покрывали скульптуры. На восьмиугольной, почти круглой башне располагались большие часы.

Напротив ратуши были оборудованы стойла, там-то за совсем небольшую плату Элейн и оставила лошадь. Сама же направилась ко входу. Двое солдат в синей форме охраняли массивные ворота; Элейн они сообщили, что горожане могли попасть на прием к помощнику мормэра лишь раз в ме-

сяц. В здание ее не пустили.

Ничуть не огорчившись, она отошла к небольшому дереву, что росло в нескольких метрах, и, оперевшись о него спиной, стала ждать. День близился к вечеру, и Элейн предположила, что скоро Ковин Торэм должен покинуть рабочий кабинет, чтобы отправиться домой.

Два часа ожидания тянулись вечность. Уставшее тело Элейн напрягалось каждый раз, когда кто-то выходил из рагуши. Она ждала увидеть то самое лицо, но вновь и вновь испытывала разочарование.

Наконец в проеме появился молодой мужчина с пшеничного цвета волосами, зачесанными назад. Он был высоким, стройным, с узкими плечами и длинной шеей. Черное облачение государственного служащего сидело точно по фигуре, за спиной развевался плащ с серебряной вышивкой. На первый взгляд можно было сказать, что лица Ковина и Оддина были одинаковы. Но, присмотревшись, любой заметил бы, что черты Ковина были заостреннее: нос – уже, губы – тоньше, глаза смотрели на мир с подозрением и презрением. Лишь на мгновение Элейн встретила с Ковином взглядом, и ей показалось, что ее пронзили тысячи иголок. На миг она вернулась на десять лет назад.

Он же, кажется, ничего не заметил. Стремительной походкой прошел к ожидающей его карете, запряженной двумя белоснежными лошадьми. Не теряя ни секунды, Элейн,

морщась от боли после долгого путешествия в седле, подбежала и вскочила на перекладину, скрепляющую два задних колеса. Это место было предназначено для слуг или почтовых курьеров. Ни Ковин, ни извозчик не заметили еще одного пассажира. Экипаж тронулся.

Поездка оказалась недолгой. Особняк Ковина находился на живописной улочке с большими кирпичными домами, огороженными высоким забором из булыжника. Когда карета остановилась, Элейн спрыгнула со своего места и притворилась случайной прохожей. Никто не обратил на нее внимания.

Ковин же дождался, пока слуги откроют массивную калитку, и прошел на территорию поместья.

Элейн начала обследовать забор. Длинная толстая стена защищала дом с центральной улицы, а затем сворачивала в небольшой проулок, где вдоль нее росло несколько деревьев. Элейн сумела взобраться наверх по толстой осине и оттуда увидела большой внутренний двор. Она спряталась в ветвях раскидистого дерева и принялась наблюдать. Вскоре Ковин вышел из дома и очутился на зеленой лужайке.

В центре двора стояла беседка, увитая плющом. Внутри нее для хозяина дома уже накрыли стол. Ковин сел, и тут же ему принесли первое блюдо. Элейн видела, как напряжена была девушка с подносом. Все ее движения были выверенными и в то же время скованными. Ковин критично наблю-

дал за тем, как она расставляла на столе еду, как наливала в бокал вино. Он не пытался помочь или хотя бы отодвинуться, хотя очевидно, что широкое плетеное кресло мешало ей. Неловкое движение, и вилка оказалась на полу.

– Плохо, – холодно бросил Ковин, и девушка, кажется, забыла, как дышать.

Она быстро подняла предмет с пола и через мгновение исчезла в доме. Новую вилку принесла уже другая. Заметив это, Ковин медленно покачал головой.

Элейн не знала, что значила увиденная сцена, но нутром чувствовала страх прислуги и какое-то мрачное удовольствие, которое от него получал хозяин.

Ковина оставили одного. Элейн неотрывно наблюдала, как неторопливо он поглощал мясо, время от времени делая небольшие глотки рубинового вина. Элейн заметила, что Ковин пользовался только тремя пальцами, мизинцы и безымянные на обеих руках у него будто бы не распрямлялись. Поэтому движения его рук выглядели неестественно, по-паучьи.

– Мой господин, – произнес кто-то.

– Ах, Бойл. – Ковин коротким жестом предложил гостью подойти ближе.

С террасы дома к беседке прошел коренастый мужчина с гривой черных волос. Все в нем было широким: плечи, лицо, ноги, руки. Глаза далеко посажены, нос будто вдавлен в череп – плоский, с большими ноздрями. Рот растянутый, слов-

но готовый в любой момент перейти в улыбку, но добродушия в этом было мало. Скорее бы получился кровожадный оскал.

– Мой господин, у меня новости по поводу магистра...

Ковин бросил на тарелку кость и облизал жирный от подливы палец.

– Ты до сих пор с ним не покончил? – В голосе мормэра были ледяные нотки.

– Да, он это... не соглашается.

– Разумеется, он не соглашается, идиот. Поэтому я тебя к нему и отправил.

– Да, но...

Пронзив собеседника взглядом, Ковин взял в руки бокал из толстого стекла. Тон, которым он задал следующий вопрос, охлаждал внутренности и проникал в душу:

– У тебя есть какие-то сомнения, Бойл?

Имя он произнес подчеркнуто четко, отрывисто, и на месте Бойла Элейн предпочла бы раствориться в воздухе в ту же минуту.

– Нет, но... – Огромный мужчина смотрелся нелепо, переминаясь с ноги на ногу, точно провинившийся мальчишка. – Я пытался объяснить ему, что вам нужно его согласие. Но он сказал, что вам нельзя...

Ковин со стуком поставил бокал на стол.

– Мне нужно разрешение на этот брак, – проговорил он обманчиво спокойно, но Бойл сжался, будто пытался стать

меньше. – Я не намерен терять возможность породниться с королем из-за этого глупца.

– Я понимаю, мой господин, но ваша жена...

– Мертва, – бросил мормэр безразлично.

– Мне ли не знать, мой господин, – хмыкнул Бойл многозначительно, и, как и ожидала Элейн, улыбка его вызывала отвращение. – Но магистр сказал, что ваш траур еще не окончен. Мысли о новом браке греховны.

Ковин внимательно посмотрел на собеседника:

– Этот глупец чинит мне препятствия на каждом шагу вот уже три года. С того самого момента, как я стал мормэром, он всячески противостоит мне, прикрывая оппозиционные настроения светопоклоннической чушью.

Бойл часто закивал, всем своим видом показывая, как поддерживал мормэра.

– Раньше я готов был мириться с некоторыми неудобствами, но в последнее время это переходит все границы.

Сделав глоток вина, Ковин устало вздохнул:

– Пора покончить с ним. Избавься от кретина. Это даст мне дополнительный аргумент для беседы с тем, кто сменит его на посту. – Ковин размял плечи. – Я получу разрешение. Так или иначе.

– Да я бы с удовольствием, вот только...

– В чем дело?

– Ну... это проклятье, убивать магистра, – выпалил Бойл. – Кто убьет магистра света, того ждет скорая смерть.

Это все знают...

Повисла пауза, и Элейн почувствовала, как сжались мышцы живота от волнения. Было в этой тишине что-то такое, от чего хотелось спрятаться.

– Правильно ли я понял, Бойл, – заговорил Ковин, и у нее волосы встали дыбом, – что ты отказываешься выполнить приказ из-за проклятья?

– Есть еще кое-что, мой господин, – торопливо заговорил Бойл. – Я подслушал разговор в магистерии. Подумал, вы захотите узнать. Я не видел, с кем он разговаривал, но знаю, что магистр сказал: вы гневите Солнце.

Ковин с вежливой заинтересованностью поднял брови.

– Ваши планы, говорит, противоречат всему, что есть хорошего и светлого в этом мире. И королевскую племянницу вы получите в жены, только когда солнце взойдет на западе, а огонь покроется льдом. Уж он-то, говорит, позаботится об этом.

Элейн заметила, как Ковин тремя здоровыми пальцами сжал вилку и нож в своих руках. Он начал с живодерским удовольствием резать кусок мяса.

– В самом деле? – произнес он жестко. – А говоришь ты мне это, чтобы вызвать желание зарезать ублюдка самому?

Бойл смущенно опустил глаза. Хитрость его, на вкус Элейн, была слишком уж прямолинейной, но трюк сработал:

– Что ж... – Ковин поднял руки с зажатыми в тонких пальцах приборами и с восторгом художника, впервые за долгое

время взявшего в руки кисть, произнес: – С удовольствием.

Он залюбовался своими ладонями. Не отрывая от них взгляда, проговорил:

– Подойди сюда.

С осторожностью, которую Элейн полностью понимала и оправдывала, Бойл приблизился к столу Ковина.

– Возьми яблоко.

Поколебавшись несколько секунд, тот протянул руку к красному фрукту. В момент, когда пальцы Бойла легли на блестящий плод, Ковин воткнул в его руку вилку.

Элейн вздрогнула и в ужасе зажала рот рукой. Тихий изумленный вскрик сдержать не удалось, но любой звук, который она могла издать, заглушил бы рев Бойла.

Когда он, прижав руку к груди, распрямился, тихонько скуля, Ковин невозмутимо спросил:

– Ничего не хочешь сказать?

Сквозь всхлипывания, которые так не вязались с грозным обликом, Бойл проговорил:

– Спасибо.

– За что? – уточнил Ковин, будто разговаривал с ребенком, забывшим о манерах.

– За то... что в этот раз... оставили пальцы.

Хозяин снисходительно улыбнулся.

– Как они, кстати? – Он посмотрел на ноги Бойла. – Я переживал, что будет гангрена.

Тот тоже опустил взгляд, разглядывая носки сапог.

– Обошлось, духи оказались милостивы. – Слова были едва слышны.

– Хотя, казалось бы – с чего? – Ковин взмахнул вилкой, и Бойл дернулся. – Ты уж явно не тот, кто заслуживает милосердия. О чем это говорит?

Ответа не последовало.

– О том, что магистр света – мошенник, запугивающий людей небесными карами, чтобы добиться от них полного послушания. Пускай же гниет в земле. Убив его, я лишь сделаю всем одолжение.

Ковин чуть помолчал.

– Иди уже, смотреть на твою кислую физиономию невозможно.

Продолжая прижимать к себе кисть, Бойл торопливо оставил хозяина. Ковин же продолжил есть мясо, используя те же самые приборы, которыми только что проткнул человеку руку.

Элейн содрогнулась от отвращения. Стараясь двигаться как можно тише, она спустилась со стены. Ее трясло. Еще несколько минут назад она была уверена, что хочет убить Ковина Торэма. Теперь же была в полной растерянности от того, что он почти дословно озвучил ее мысли: Элейн тоже считала, что смерть Ковина от ее рук – подарок человечеству. Если суждения походили на суждения монстра, так ли правильны они были?

Ощупав колоду в мешочке на поясе, Элейн отошла в сто-

рону, будто желая оказаться как можно дальше от Ковина, и достала карты. Она чувствовала, что ей требовался мудрый совет.

В зале с витражом мужчина в дорогом наряде стоял у надгробия. Искусно вырезанное из камня, оно изображало лежащую женщину. На лице мужчины залегли тени, можно было сказать, что его терзала боль утраты.

Глава пятая, в которой Элейн знакомится с Ковином

В зале с витражом мужчина в дорогом наряде стоял у надгробия. Искусно вырезанное из камня, оно изображало лежащую женщину. На лице мужчины залегли тени, можно было сказать, что его терзала боль утраты.

Элейн всегда была честна с собой и сейчас могла признать, что ей было страшно. Вновь увидев хладнокровную жестокость Ковина, она живо вспомнила тот ужас, что наполнил сердце десять лет назад, в Думне. И теперь думать о расправе было тяжело. Хотелось спрятаться, убежать, убедиться, что ее и проклятого карнаби разделяли сотни километров. На карте она увидела себя: полное отсутствие нужных навыков вело к неминуемой смерти. Ковин был не из тех, кто мог подпустить достаточно близко, чтобы была возможность серьезно ранить или покалечить.

Но кто же был тот мужчина, что оплакивал ее смерть?

Когда эта мысль посетила ее, Элейн почувствовала, как холодное лезвие прикоснулось к щеке. Она забыла, как дышать.

– Добрый вечер, милая девушка, – прозвучало привет-

ствие, полное сдерживаемой ярости.

Плечи Элейн с облегчением опустились.

– Оддин, – с улыбкой выдохнула, хотела было обернуться, но острие сильнее впилося в кожу, и она застыла, чуть приподнимая руки. – Убери оружие. Ты можешь случайно меня поранить.

– Случайно?! – возмутился он, затем понял, что Элейн просто дразнила, поэтому выдохнул и сказал: – У тебя совсем совести нет.

Она попыталась повернуться, и на этот раз ей это удалось. Оддин нехотя опустил саблю.

– Пойми, ты не оставил мне выбора... – начала Элейн.

– Разумеется. Прости, что вынудил украсть лошадь и ускакать на ней за сотню километров, – он чуть понизил голос, – чтобы убить моего брата.

– Ты говоришь с насмешкой, но так и было...

– Где мой конь? – требовательно спросил Оддин, прерывая ее попытки объясниться.

Элейн неловко прочистила горло.

– Он в общем стойле на главной площади.

– Он... он что? – возмутился Оддин, вновь поднимая саблю и с силой сжимая рукоять.

Ситуация вышла неловкая: животное легко могли похитить, и тогда вернуть его не получилось бы.

– Я собиралась отправиться за ним сразу, как только...

Он устало потер лицо.

– Проклятье, Элейн! – воскликнул он. – Ты бросила меня невесть где без лошади. Я мог погибнуть от голода.

– Глуposti, там везде росло полно белладонны.

Вздыхнув, он жестом велел следовать за ним. Подошел к лошади, которую, видимо, раздобыл где-то, чтобы добраться до Нортастера. Не разбирающаяся в этом Элейн могла сказать, что эта выглядела довольно хило по сравнению со служебной. Поправив сбрую, Оддин обернулся и увидел, что Элейн не сдвинулась с места.

– Ну? – нетерпеливо произнес он. – Идем.

– Куда?

– Мы едем на площадь за моим Ветром.

– Ты можешь следовать за своим ветром, за солнцем или за луной, я никуда не поеду с карнаби, – уверенно ответила Элейн.

Она с трудом сдержала улыбку, когда, не скрывая раздражения, к ней подошел Оддин.

– Ветер – мой конь. Ты украла его, будь любезна вернуть.

– Я могу объяснить, где...

Не дав ей договорить, Оддин дернулся, с явным намерением схватить Элейн и силой усадить на лошадь. Но если бы ее было так легко поймать, она простилась бы с жизнью еще в детстве.

Их игру прервало деликатное покашливание, а затем раздавшийся сверху голос:

– Если именно так ты ловишь преступников, мой доро-

гой брат, я не удивлен, почему ежедневно получаю отчеты об ограблениях и убийствах.

И Оддин, и Элейн застыли. Ковин сидел на изгороди, небрежно свесив одну ногу. Сложив руки на груди, он лениво наблюдал за ними.

– Ковин, – произнес Оддин холодно.

– Не могу не отметить, что удивлен. Не тому, конечно, что ты, как всегда, занимаешься чем-то совершенно бестолковым и голосишь на всю округу. Но хотел бы я знать, что ты делаешь возле моего дома?

Оддин бросил короткий взгляд на Элейн. Та стояла ни жива ни мертва. Тяжело дыша, она глядела то на одного брата, то на другого.

– Я нахожусь в Нортастере в поисках опасного преступника, – ответил наконец Оддин.

– Не могу представить, как это могло привести тебя к дверям моего поместья?

Судя по небольшой паузе, Оддин размышлял, можно ли это было выдать за случайность.

– Рассчитывал на твою помощь, брат, – ответил он наконец.

Ковин фыркнул.

– Впрочем, ничего нового, – с издевкой произнес он.

Элейн видела, как Оддин сжал кулаки. Когда его брат перекинул ноги на другую сторону и начал спускаться по лестнице во внутренний двор, Элейн готова была выдохнуть. Но

Ковин, прежде чем полностью скрыться за каменной оградой, сказал:

– Зайди. В конце концов, никто не виноват, что столь важным для общественности делом занимаешься ты.

Оддин внимательно посмотрел на Элейн. Надежды, что она дождетя его, он наверняка не питал.

– Я здесь со своей... прачкой.

Элейн прикрыла глаза, не веря, что он действительно это сказал. Ковин же саркастично усмехнулся. Смерив Элейн взглядом, он глумливо заметил:

– Компания, безусловно, необходимая любому стражу порядка. Заходите вместе. Может быть, она и мне что-нибудь постирает.

Он неприятно улыбнулся, поймав ее взгляд. Когда Ковин исчез за забором, Оддин схватил ее за руку и потащил ко входу в поместье.

– Ты в своем уме? – шипела она. – Зачем мы к нему тащимся? И – прачка?!

– Ковин ни за что бы не поверил, что я оказался тут случайно, – прорычал Оддин, волоча упирающуюся Элейн. – А тебя оставлять одну я не собираюсь.

– Но – прачка? Какого демона полицейский будет таскать с собой прачку?

– А что я должен был ответить, скажи на милость?

Они оказались у тяжелой калитки, которую тут же приглашающе распахнул слуга. И Элейн, и Оддин прекратили

борьбу, сделав вид, что оба явились по своей воле. Пока их провожали во внутренний двор, они продолжали переругиваться:

– Мог сказать, что я случайная прохожая.

– А мог сказать, что ты явилась, чтобы прирезать его, а я прискакал, чтобы тебе помешать. М?

Элейн нервно сглотнула. После сцены, которую она наблюдала между Ковином и Бойлом, и представить не могла, что хозяин дома сделал бы с ней.

– Ты бы так не поступил, – убежденно заявила она.

– Почему это? Я же *карнаби*. – Последнее слово он произнес язвительно. – Разве ты не считаешь всех нас бесчувственными животными?

– Считаю, – кивнула она, – но, по сравнению с братом, ты, скорее, кролик.

Оддин прорычал что-то невнятное, а затем отчетливее произнес:

– Знала бы ты, как мне хочется выдать тебя Ковину, чтобы проучить. – Они оказались у той самой беседки, за которой Элейн наблюдала несколькими минутами раньше. Тарелки с первыми блюдами уже убрали, Ковин наслаждался вином и сыром.

– Ну, и что там у тебя, – поинтересовался хозяин, развалившись в кресле.

Его манеры вызывали у Элейн дрожь отвращения. Он настолько явно демонстрировал свое пренебрежение к окруже-

нию, настолько преувеличенно лениво двигался, что ей хотелось ударить его, чтобы вынудить вздрогнуть, собраться. И эти согнутые пальцы...

– Что? – спросила она, замечая, что оба мужчины внимательно на нее смотрели, будто ожидая ответа.

– Я спросил, откуда ты родом. Такие рыжие волосы обычно встречаются где-нибудь в горах. – Тон Ковина был многозначительным, а за вопросом слышалось едва ли не отвлечение, будто перед ним предстала глаштиг: полуженщина, полукоза.

Элейн не знала, как совладать с борющимися внутри эмоциями: страх и ненависть трепали душу, выставляя противоречащие друг другу требования. Ударить и убежать. Крикнуть и смолчать. Сказать правду и солгать.

– Она сама не знает, – ответил наконец Оддин, вероятно, почувствовав, что пауза стала неприлично долгой. – Я нанял ее в Хапо-Ое. Но сейчас не об этом...

Мужчины продолжили разговор, а Элейн так и стояла, открыто глядя на Ковина.

Он довольно быстро заметил это и, пока Оддин что-то рассказывал о сбежавшем преступнике, ответил столь же внимательным взглядом. Ей показалось, что сердце упало в желудок.

– Мы не встречались раньше? – вдруг спросил Ковин, ничуть не беспокоясь, что перебил брата.

Оддин тихонько прорычал и бросил раздраженный взгляд

на Элейн. Будто это она была виновата, что Ковину больше хотелось узнать о спутнице Оддина, чем о его собственных делах.

– Это так важно? – крайне недовольно уточнил Оддин. – Ты вообще меня слышал? Кровожадный душегуб, возможно, разгуливает по улицам твоего города. А все, что тебя волнует – смазливое личико моей прачки?

Будто не услышав отповеди, Ковин спросил, прожигая Элейн взглядом:

– Как тебя зовут?

– Бенни, – ответила она, а затем, мило улыбнувшись, уточнила: – Могу и правда вам что-нибудь постирать.

О, она видела, что Ковин не понял ее тонкого намека, но будто бы почувствовал угрозу. Его глаза подозрительно сузились. Оддин тем временем настойчиво продолжил, будто пытаясь заглушить Элейн:

– Я не имею доступа к делам местной полиции, но, если ты услышишь об убийствах, где на телах жертв обнаруживается рисунок с непонятными символами, дай мне знать. Это может быть мой убийца. Я еще несколько дней буду в городе. Остановлюсь в «Веренице».

Ковин медленно перевел взгляд на брата. Неторопливо кивнув, он поднял два пальца, и тут же подошел слуга.

– Проводи, – коротко бросил хозяин дома.

Элейн развернулась, чтобы проследовать за слугой и Оддином, но вдруг почувствовала пальцы на запястье. Она и

не заметила, как Ковин преодолел полдюжины шагов, что их разделяли. Пальцы его были тонкими, костлявыми, прикосновение вызывало неприятные ощущения.

– Бенни, – проговорил Ковин, разглядывая ее лицо и, с особым вниманием, волосы, – маленькая гордая прачка.

Он повел носом, будто принюхивался.

– Я чувствую твой горный дух, Бенни. – Он сделал вдох рядом с ее плечом. – Знаешь, как пахнут кападонцы, Бенни?

Между Элейн и Ковином втиснулся Оддин.

– Знает, знает, – закатил глаза он. – Все люди пахнут примерно одинаково, если не увлекаются духами. Нам пора. У меня куча нестиранных рубаш. Знаешь, как я пахну, когда у меня нестираная одежда?

Он отцепил руку брата и потянул за собой Элейн.

– О нет, дорогой мой. Кападонцы пахнут кровью. – Губы Ковина дрогнули в улыбке. – Я ощущаю это так же, как чувствую твой страх, братец. Ты боишься душегуба, котороголовишь? – чуть повысив голос, произнес он вслед уходящим гостям. – Или что я съем твою маленькую прачку?

Лишь оказавшись за пределами поместья, Элейн сумела выдохнуть.

– Он сумасшедший, – прошептала она, боясь, что их могли подслушать.

Но Оддин молчал, ведя ее к лошади. Они привычно устроились в седле и тронулись.

– Это очень плохо, – выдал наконец он.

Элейн чуть обернулась.

– Он обратил на тебя внимание, – пояснил Оддин. – И понял, что ты из Кападонии. А Ковин ненавидит кападонцев.

– Почему? – искренне удивилась она.

Ей было понятно, за что можно ненавидеть карнаби: этот народ хладнокровно убивал врагов, без жалости относясь и к женщинам, и к детям. Элейн слышала множество историй об их зверствах и могла лишь удивляться, что Оддин был другим. Путешествие же из Лимеса в Нортастер только подтверждало то, что она и так знала: карнаби были лишены принципов, не знали нравственности, плевали на мораль.

Но за что можно было не любить кападонцев, самый миролюбивый и гостеприимный народ?

– Кападонцы убили нашего отца, – будто нехотя ответил Оддин.

Повисла тяжелая пауза.

– На самом деле, – он чуть замялся, – твой отец убил нашего отца.

Элейн, наверное, упала бы с лошади, если бы Оддин не придержал ее. Несколько мгновений она не знала, что ответить.

– Это невозможно, – прошептала она.

Хотя в душе знала, что такое могло произойти: когда отец был помоложе и война между кападонцами и карнаби была в самом разгаре, он руководил отрядом клана Мун. Если отец Торэмов тоже участвовал в войне, они легко могли столк-

нуться на поле боя.

Оддин подтвердил ее мысли:

– Пятнадцать лет назад, когда мне было всего двенадцать, отец ушел в военный поход. Вообще-то он не должен был, но... по его словам, близкому другу требовалась помощь. На самом деле, я думаю, он просто соскучился по хорошей резне.

Элейн вновь чуть обернулась, изумленная такими словами из уст сына, потерявшего родителя.

– Ты думаешь, Ковин стал таким в окружении любящих мамок и нянек? – фыркнул Оддин. – Старший сын с задатками кровожадного убийцы! Что ты! Он был любимчиком отца. Они проводили вместе много времени. Из брата получился достойный наследник семейства Торэм...

На время Оддин замолчал. Они неторопливо ехали по улочкам Нортастера. Вечерний воздух приятно пах прохладой и свежей зеленью. Но сердце Элейн разрывалось на сотни кусочков, и эта идиллия только раздражала, как излишне приторный запах или чересчур яркое солнце.

– Ковину было пятнадцать. Едва мы узнали, что отец погиб, и выяснили, *как именно*, Ковин помчался в ряды добровольцев. Выслужился быстро. Тем более тот самый «близкий друг отца» очень поспособствовал его продвижению по службе.

Элейн не хотела слышать продолжение, но Оддин решил рассказать всю историю до конца.

– Когда война закончилась, он получил задание ехать в Думну, унимать восстание, Ковин написал нам с матерью письмо об этом. Не то чтобы мы регулярно вели переписку, но ему, как он выразился, необходимо было поделиться с кем-то. После он тоже написал. Сообщил, что отомстил за отца.

Задыхаясь от слез, что так и остались где-то внутри, Элейн, невольно ища поддержки, сжала руку Оддина.

– Прости. Я знаю, тебе, должно быть, больно это слышать, – сказал он. – Но будет честно, если ты узнаешь правду.

– Тебе тоже, наверное, паршиво, – выдавила она.

– Если ты думаешь, что я переживал из-за смерти отца, то нет, – сухо отозвался Оддин. – Он мне никогда не нравился, и то, что он исчез из наших жизней, стало лишь облегчением. Ты бы видела мать, она будто ожила.

Каждый раз после таких откровений Оддина мир, по ощущениям Элейн, начинал вращаться, переворачиваясь с ног на голову, и картинка становилась все более и более странной, неправильной, неоднозначной.

– Но мне действительно паршиво сейчас оттого, что никакого восстания не было. Теперь я знаю, что твоего отца подставили. И, самое главное, знаю, что пострадали невинные дети. «Око за око» я как-то могу если не оправдать, то хотя бы принять. Убийство детей – нет.

Дальше они ехали молча. Элейн не думала о том, куда именно они направлялись, пока не увидела знакомую пло-

щадь и ратушу.

– Смотри, твой конь еще здесь. Все в порядке, – пытаюсь изобразить безразличие, заметила она.

После услышанной истории и произошедших за последние дни событий она не знала, как относиться к этому карнаби.

Оддин едва ли не бегом отправился к Ветру. Начал трепать его гриву, на что лошадь фыркнула, но все же доверительно прижалась к щеке хозяина.

Это был бы отличный момент, чтобы сбежать, но Элейн уже не знала, стоило ли это делать и зачем. Вся ее жизнь потеряла смысл, а новому неоткуда было взяться.

– Я должен знать, что ты передумала убивать Ковина, – заявил Оддин, подходя к Элейн и ведя коня за поводья.

Она не торопилась с ответом. Да, передумала. Но что теперь? Просто вернуться в Лимес как ни в чем не бывало? Вряд ли получится. Оддин понял ее молчание по-своему.

Он сжал ее плечи, чуть встряхнув.

– Послушай, Элейн, если ты не сумеешь убить его с первой попытки – а ты не сумеешь, поверь, – он уничтожит тебя самым жестоким способом. Таким, что смерть покажется избавлением. Не лезь к нему. Люди куда опытнее в этом деле пытались разделаться с Ковином. Но он как будто чувствует опасность. Как будто... знает, откуда ждать удар. Он и так обратил на тебя внимание. А ты еще начала: «хотите и вам постираю», – что это вообще было?

Она закатила глаза:

– Ты что, не знаешь легенду про Бенни-прачку?

– Какую еще легенду?

– Бенни-прачку можно встретить ночью на берегу реки, она стирает окровавленную одежду тех, кому предстоит умереть. У нас каждый ребенок об этом знает.

– Видимо, какие-то местные кападонские легенды, – пожал плечами Оддин. – Оно и к лучшему. Если бы Ковин понял, что ты хочешь этим сказать, мы бы не покинули его поместье так спокойно и быстро.

Элейн кивнула, понимая, что его слова не были преувеличением.

– Тебе нельзя больше видеться с Ковином. И он ни в коем случае не должен узнать, кто ты на самом деле.

Еще один кивок.

– Ты согласна? Не будешь пытаться его убить?

Элейн утвердительно промычала.

– Обещаешь?

Она одарила его мрачным взглядом, но Оддин продолжал настаивать:

– Поклянись. Поклянись моей жизнью, что не станешь пытаться убить Ковина.

– Твоей? – изумилась она.

Он раздраженно вздохнул, будто это и так должно быть понятно.

– Все говорит о том, что о себе ты особо не печешься.

Но ты хороший человек, я хороший человек. Не хочешь же, чтобы я пострадал по твоей вине?

Элейн фыркнула.

– Я не понимаю, – всплеснула она руками, – о ком ты переживаешь на самом деле: обо мне или о нем? И какое тебе дело до всего этого?

– Он мой брат, я не могу позволить тебе убить сына моей матери. Как я буду смотреть ей в глаза?! Но и за тебя беспокоюсь. Я бы не хотел, чтобы с тобой что-то случилось. И уж тем более чтобы вновь член моей семьи причинил тебе вред.

Элейн несколько секунд молча оглядывала Оддина с ног до головы.

– Ты раздражающе правильный. Просто Благочестивая Анна. Что с тобой не так?

Оддин прижал руку к груди и склонил голову в шутливом раскаянии:

– Я понимаю, о чем ты: умен, силен, хорош собой, с отменным чувством юмора, с высокими нравственными качествами и подвешенным языком. Кажется, что идеальных людей не бывает, но вот он я...

– Можешь не продолжать, – покачала головой Элейн. – Твой порок – гордыня.

– Еще я не прочь вкусно поесть и вообще хорошо провести время, – добавил Оддин. – Служители Света обычно этого не одобряют, но, зная о том, что и у меня есть недостатки, люди легче переносят мое общество.

Она устало прикрыла глаза. Карта подсказала: попытка убить Ковина может означать ее смерть. И теперь Элейн, кажется, даже знала, кто стал бы оплакивать ее.

Оддин выжидательно смотрел на нее, чуть склонив голову, будто пытался заглянуть в душу.

– Мне нужно вытянуть еще одну карту, – приняла она решение.

– Ты не думаешь, что не стоит отдавать судьбу на откуп старой колоде? – Он скептически скривил губы.

– Это не колдовство и не слепая вера. Я просто не могу разобраться в себе, а карты, – она достала их из мешочка, начав тасовать, – помогают понять, чего я на самом деле хочу.

Они отошли в сторону, к опустевшим торговым лавкам. Оддин привязал Ветра рядом с новой лошастью, Элейн усе-лась прямо на деревянный стол. В спускающихся сумерках ее неторопливый ритуал все же выглядел мистически. Площадь почти опустела, где-то еще ходили люди, вдали слышались разговоры, но там, где сидели Оддин и Элейн, было тихо. Рядом горел факел, освещая вечернюю синеву теплым оранжевым светом.

Элейн прикрыла глаза, помешивая карты и думая о своей жизни, о судьбе, о будущем. О желаниях сердца.

В лесной чаще, привязанная к дереву, стояла белая лошадь. Судя по седлу и сбруе, принадлежала она знатному человеку. Выглядело животное спокойным, с равнодушием

оно смотрело куда-то в сторону. Рядом, у ног, суетилась коричневая собака. Некрупная, но, кажется, охотничья.

Глава шестая, в которой Элейн понимает, что делать дальше

В лесной чаще, привязанная к дереву, стояла белая лошадь. Судя по седлу и сбруе, принадлежала она знатному человеку. Выглядело животное спокойным, с равнодушием оно смотрело куда-то в сторону. Рядом, у ног, суетилась коричневая собака. Некрупная, но, кажется, охотничья.

Едва взглянув на карту, Элейн отчего-то сразу решила, что холеный благородный конь – это Оддин. А взволнованная маленькая собачка – она сама. Избавиться от первого впечатления не получалось, поэтому она смирилась и попыталась понять, что же чувствовала, глядя на рисунок.

Лошадь внушала доверие. Смотреть на нее было приятно, она дарила ощущение спокойствия. Оба зверя глядели в одну сторону, там что-то происходило, и Элейн хотелось узнать, что именно. Ее сердце стремилось туда. О, небо, конечно, она ввязалась во все это и не могла отступить! Но отправлять беззащитную собачонку одну было страшно.

Элейн вздохнула. Что ж, возвращаться в Лимес она не собиралась. Убивать Ковина тоже передумала. Однако это не значит, что она не могла добиться справедливости другим

способом. И кто, если не Оддин, полицейский, мог ей помочь?

Она решительно убрала карты в мешочек.

– Твой брат собирается убить Магистра Света.

Оддин неверяще хмыкнул.

– Ну приехали. Ты говорила, что это, – он кивнул на мешочек в ее руках, – не гадание. И вот теперь по какой-то картинке выяснешь, что мой брат...

– Я услышала его разговор с Бойлом. Его помощником, – перебила Элейн.

Она поведала Оддину все, что узнала, замечая, как по мере рассказа меняется лицо собеседника. Показалось немножко странным то, насколько легко он верил ей. Был ли он настолько наивен или просто хорошо знал брата?

Оддин долго молчал. Совсем стемнело, и свет факела плясал на его лице, делая облик полным загадочности. Элейн заметила, что не только он доверял ей: она сама ощущала уверенность в его благородстве и честности. Удивительное, давно забытое чувство надежного плеча рядом.

– Тебе нужно где-то остановиться на ночь, – произнес наконец он.

– Гостиница...

– Дом моей матери неподалеку.

Элейн на мгновение потеряла дар речи. Оддин приглашал ее не просто в свой дом, но предлагал познакомиться с матерью?

– Она, кхм, не удивится? – уточнила Элейн. – Не знаю, какие у вас, у карнаби, правила, может быть, это в порядке вещей...

– Мы скажем ей правду. Ей можно доверять.

Она издала смешок. Не слишком ли много карнаби, которым «можно доверять», появлялось в ее жизни? Видимо, сомнения отразились на ее лице, потому что Оддин добавил:

– Мама знает Ковина, знает, что он собой представляет. Она будет на нашей стороне.

И Элейн согласилась. В конце концов, почему ее должно волновать, что подумает мать убийцы? Если Оддина это не беспокоило, то ее и подавно.

Правда, чем ближе к цели, тем более неловко она себя чувствовала.

Вскоре они оказались у небольшого кирпичного особняка, который выглядел скромнее дома Ковина и имел два этажа. Фасад, выходящий на небольшую улочку с таверной и лавками, украшали восемь окон, по четыре сверху и снизу. Массивную дверь окружала цветущая глициния.

Им открыла служанка в белом чепце. Увидев Оддина, она сперва испуганно замерла, а затем, приглядевшись, выдохнула и любезно улыбнулась.

Она проводила гостей в небольшую комнату с темной мебелью и множеством полотен в золотых рамах. Пол в комнате был устлан черно-белой плиткой, стены – обтянуты тканью с набивным рисунком. Элейн видела такое только у са-

мых знатных из тех господ Лимеса, у которых довелось поработать. На резном комодике красовались бронзовые подсвечники и блюда. Над ними расположилась самая большая картина – портрет двух мальчиков со светлыми кудрями и нежным румянцем. Дети, несмотря на явную разницу в возрасте, были невероятно похожи друг на друга, в их чертах легко можно было узнать Оддина и Ковина. Но кое-что художник упустил...

– Да, забыли дорисовать пламя, в котором горит его душа, – кивнул Оддин, будто прочитал мысли Элейн.

В этот момент в комнату вошла высокая женщина. Ее светлые волосы, несмотря на поздний час, все еще были уложены в строгую прическу. В платье из темного бархата она выглядела как королева.

Элейн чувствовала себя не в своей тарелке. Непрошенная гостья, какая-то нахальная прачка, которая сейчас выложит матери историю о том, какой ее сынок мерзкий тип. Глубоко вздохнув, она постаралась избавиться от этого чувства.

Женщина неторопливо подошла к Оддину и поцеловала его в лоб.

– Дорогой мой, какими судьбами? – На ее губах играла сдержанная улыбка.

– Долгая история. Мама, это Элейн. Элейн из Кападони, из клана Мун.

Она видела, как сменялись эмоции на лице госпожи Торэм. Вежливая заинтересованность превратилась в насто-

женность, затем уступив место потрясению.

– Мы познакомились в Лимесе, она спутала меня с Ковином.

Госпожа Торэм перевела взгляд на сына, понимающе кивнула и снова посмотрела на Элейн. Оглядела ее рыжие волосы и скромный наряд.

– Дитя, – произнесла она скорбно.

Элейн почувствовала, что задыхается. Почему-то именно это нежное, полное сочувствия слово вызвало ком в горле. Глаза защипало.

– Приветствую тебя в нашем доме.

– Нужно устроить Элейн. – О один стянул пыльный плащ. – Я тоже останусь. Мы устали с дороги, завтра утром все обсудим, хорошо?

Госпожа Торэм не стала задавать лишних вопросов: распорядилась, какие комнаты подготовить для гостей, велела Элейн выбрать сорочку в красивом резном сундуке, проследила, чтобы та выпила молока и съела лепешку с тмином, а затем оставила одну в комнате.

Элейн не спала на такой мягкой дорогой перине даже в детстве, в Думне. Впрочем, каким бы удобным ни было ложе, сон долго не шел.

Она спала в доме убийцы своей семьи. Брат убийцы предложил кров. Мать убийцы дала одежду и еду. Они были гостеприимны и заботливы. Стало трудно ненавидеть их после этого и еще более неловко планировать месть.

Утром Элейн обнаружила на кровати новое платье. Оно оказалось немного свободно в плечах, но фасон и ткань были так хороши, что наряд все равно сидел лучше, чем тот, в котором Элейн явилась в Нортастер.

Тихо ступая, она спустилась на первый этаж в столовую, где завтракали Оддин и его мать.

– А что она собирается делать сейчас? – услышала Элейн голос госпожи Торэм и выглянула из-за двери, так как Оддин ответил не сразу.

Он медлил – сомневался.

– Думаю, она отказалась от идеи убивать его, – произнес он наконец, отрезая кусок ветчины.

– *Думаешь?* – не без язвительности уточнила его мать, оставляя бокал из темного стекла. – А ты не хочешь узнать поточнее? Меня бы устроило что-то вроде «она совершенно точно не планирует убить моего родного брата».

– Любезная матушка, кто же верит в такое на слово?

– А мне и не нужно на слово, Оддин, я хочу, чтобы ты убедился в этом.

Тот фыркнул в ответ.

– Предлагаю сделать это так: позовем Ковина, дадим Элейн в руки кинжал и посмотрим, что будет.

Элейн почувствовала, что слишком долго стоит у входа в столовую, чтобы это можно было счесть простой заминкой, а не подслушиванием, поэтому шагнула вперед. Но Оддин ее не заметил и продолжил:

– Я прослежу, не беспокойся. Я чувствую, что она отка-
залась от убийства, но что у нее на уме, одному солнцу из-
вестно.

– А давай спросим ее саму, – предложила госпожа Торэм,
кивая на Элейн. – Проходи, дитя мое, садись. И пока утоля-
ешь голод, расскажи мне, что намерена делать в Нортастере.

Завтрак получался совершенно сумасшедшим. Заедая со-
леные овощи лепешками с тмином, которые полюбились ей
еще накануне, Элейн пыталась дать такой ответ, который и
избавил бы от лишних расспросов, и пришлось бы по душе
гостеприимным хозяевам.

– Я узнала, что Ковин хочет убить Магистра Света, –
несмело сообщила она, поглядывая на Оддина, чтобы убе-
диться: госпоже Торэм можно было доверить такую инфор-
мацию.

Он был совершенно спокоен, а значит, считал, что можно.

– Это я поняла, – кивнула хозяйка.

Утром она выглядела еще краше, чем вечером: прическа
– локон к локону, атласное утреннее платье с рукавами из
дамаска с цветочным орнаментом освежало и молодило ее.

– Что *ты* намерена с этим делать? – спросила госпожа
Торэм.

Элейн глотнула пива, которое подали к завтраку, и отве-
тила:

– Поймать его на этом и отправить за решетку.

Оддин недовольно бросил на стол тканую салфетку.

– Ты тогда лучше узнай у Ковина, когда он собирается этим заняться, чтобы не пропустить, – предложил он язвительно.

– А что, лучше сделать вид, что я ничего не слышала? – возмутилась Элейн.

Он сложил руки на груди:

– А ты не думала о том, чтобы предотвратить преступление?

– Ну конечно же! – Элейн сделала вид, что восхитилась идеей. – Скажем ему, чтобы не убивал, и дело с концом.

– Если все желающие попрактиковались в остроумии, – весело произнесла госпожа Торэм, заставив и Элейн, и Оддина виновато потупить взор, – то давайте, молодые люди, серьезно обсудим ситуацию. Я не заинтересована в том, чтобы Ковин вновь обагрил руки кровью. Так же, как не хочу, чтобы кому-то стало известно о его намерениях. Я понимаю твоё желание отомстить, – обратилась она к Элейн, – но Ковин, каким бы подонком ни был, мой сын. Будем откровенны, твоя затея поймать его с поличным не выдерживает никакой критики. Как ты себе это представляешь?

Элейн поджала губы. У нее не было ни минуты, чтобы подумать об этом.

– Делать из Магистра Света наживку по меньшей мере негуманно. А если тебе не удастся предотвратить убийство? Что ты скажешь его близким? «Простите, не успела»?

Госпожа Торэм чуть склонилась вперед, внимательно гля-

дя в глаза Элейн.

– Чудовищный поступок, который совершил Ковин с твоей семьей, не оправдывает возможных жертв на пути к тому, что ты называешь справедливостью. Ты считаешь, что мой сын должен заплатить за то, что сделал. Но ведь он был там не один, не так ли? Что насчет всего отряда?

– Он руководил ими!

– А кто руководил Ковином?

Повисла пауза. Элейн осматривала расставленные на столе яства, будто надеясь найти там ответ.

– Мормэр Донун, – выдохнула она. – Это он заявил, что присяги не было. Мой отец послал документ в Роксетер, но Донун сказал, что ничего не получил, и отправил отряд.

Госпожа Торэм пару раз кивнула.

– Так почему бы тебе не подумать о Донуне? А Один позаботится о том, чтобы брат не натворил новых бед.

Элейн задумалась. Почему даже сейчас, озвучив известный ей факт, она не испытывала к мормэру Донуну той же ненависти, что хранила в сердце для Ковина? Разве человек, давший приказ убить, не виновен в той же степени, что и тот, кто этот приказ исполнил?

Однако память напомнила Элейн о воспоминании: карнаби пришли в Думну, и их встретили как гостей. Поили и кормили. Если солдаты и считали, что пришли подавить восстание, вели они себя совершенно не так.

В одном госпожа Торэм была права: шансы Элейн предать

Ковина суду были еще меньше, чем убить его.

– Все это совершенно смешало мои планы, – вздохнул Оддин. – Я ищу опасного преступника и должен ехать в Альбу, чтобы отчитаться об успехах. Или, скорее, неудачах...

– Какой-то оборванец тебе важнее собственного брата? – уточнила госпожа Торэм тоном, который допускал только один вариант ответа.

– На его совести не меньше двух дюжин смертей... – будто оправдываясь, произнес Оддин.

– Не нужно преувеличивать, – отмахнулась госпожа Торэм. – Ковин, возможно, кровожаден, но...

– Я про преступника, – перебил ее Оддин и, подумав, добавил: – Ковин, боюсь, повинен в куда большем количестве преступлений, пускай и косвенно.

Все трое продолжали завтрак в тишине. В столовую вошла служанка: лицо белое, руки дрожат.

– Госпожа, к вам визитер. Это... господин Торэм. – Губы едва слушались ее, произнося имя гостя.

Присутствующие замерли. Они не успели обменяться хотя бы какими-то мыслями на этот счет, как в комнату уверенно вошел Ковин. Одним касанием перчатки он отодвинул в сторону служанку. Та предпочла исчезнуть в коридоре, освободив путь.

– Мама, вы здоровы? – поприветствовал он, в голосе не было и капли заинтересованности.

Она, не вставая, протянула руку, и он поцеловал кончики

ее пальцев.

– Я в полном здравии, Ковин, благодарю.

Он бросил взгляд на Оддина, будто тот был не более чем раздражающим предметом мебели или нелюбимой картиной.

– Я предполагал, что обнаружу тебя здесь, – заметил Ковин, а потом внимательно посмотрел на Элейн.

Она упорно делала вид, что заинтересована глиняным стаканом с пивом, но, когда пауза стала невыносимо тяжелой и долгой, несмело подняла взгляд. Элейн боялась собственной реакции: слишком дерзкого взгляда, слишком искривленных в отвращении губ.

– Бенни-прачка, – протянул Ковин, откладывая в сторону перчатки и соединяя кончики указательных, средних и больших пальцев – тех, что у него разгибались.

– Бенни-прачка? – удивилась госпожа Торэм, и Элейн по тону поняла, что та знала легенду.

– Так мне представили эту девицу. – Ковин многозначительно поднял брови, ясно давая понять, что не поверил ни единому слову.

Хозяйка дома покачала головой.

– Это Элейн. Невеста твоего брата.

Оддин закашлялся.

– Ты напрасно беспокоишься, дорогой, – обратилась к нему госпожа Торэм, при этом не оборачиваясь, а продолжая смотреть на старшего сына. – Уверена, наоборот: теперь,

когда мормэр Нортастера знает правду, твоя невеста в этом городе будет в полной безопасности.

Элейн, до сих пор сидевшая как изваяние, бросила взгляд на хозяйку дома. Это был хитрый ход. Хорошее объяснение присутствию Элейн в доме и возможная дополнительная защита.

Губы Ковина тем временем расплылись в неприятной улыбке. Он сел на соседний с Элейн стул – слишком близко, – и с интересом уставился на ее профиль. Она невольно повернулась к нему, чтобы прошептать:

– Мой господин?

Ее пальцы нервно сжали столовый нож. Она и в самом деле не успела бы всадить его Ковину в шею? Точно так же, как он сам сделал это с ее отцом? Это казалось так просто... Никогда и никому она не желала зла с такой страстью.

Видимо, Элейн слишком долго смотрела на шею Ковина, так как он прочистил горло и чуть поправил ворот черного с серебряной нитью камзола.

– Так может, Элейн, невеста моего брата, ты скажешь, откуда родом? – произнес он совсем тихо, будто забыл, что в комнате присутствовал кто-то еще.

– Я из Лимеса, – сказала она полуправду.

Ковин удовлетворенно кивнул. Теперь он верил.

– И что же занесло тебя из твоей варварской Кападонии в наши места?

Вопрос, заданный с предельной вежливостью, не слыш-

ком старательно маскировал оскорбление.

Ладонь Элейн, сжимающая нож, вспотела.

– Из моей Кападонии в ваш варварский Мидленд меня занесла любовь, конечно же, – ответила она и натянуто улыбнулась. – Что еще могло вынудить меня покинуть родные места?

Ковин склонился вперед, и, хотя движение не было агрессивным или даже резким, Элейн испугалась. Она заметно вздрогнула. Все это заставило Оддина угрожающе подняться на ноги.

– Ковин, – проговорил он, предупреждая.

Но тот будто и не услышал.

– На твоём месте, маленькая глупенькая прачка, – заговорил он совсем тихо и как будто бы с нежностью, – я бы возвращался в свои края...

– Ковин! – возмутилась госпожа Торэм.

– ...Нашел бы себе какого-нибудь конюха и жил там, наслаждаясь простыми радостями жизни.

Оддин уже обходил стол – то ли чтобы ввязаться в драку, то ли зачем-то еще, – когда Элейн ответила:

– Ну так найдите себе конюха, кто же вам мешает?

В следующее мгновение произошло сразу несколько вещей: Ковин встал, еще больше сократив расстояние между ними, Оддин подлетел к брату, хватая за плечо, госпожа Торэм подалась вперед, приобнимая со спины Элейн, будучи пытаюсь защитить. На пол упала вилка, в образовавшейся

тишине звон показался похожим на голос Толстухи Мэри, большого колокола в Лимесе, извещавшего, что настал полдень.

Ковин чуть склонился, и они с Элейн почти соприкоснулись носами. Оддин удерживал его, но это не требовалось, Ковин стоял спокойно, не пытаясь напасть – только запугать.

– Моя семья еще не успела рассказать обо мне или ты просто дура? – поинтересовался он.

Оддин наконец отшвырнул брата в сторону. Тот сумел удержаться на ногах, распрямился, поправил одежду.

– Мама. – Повисла пауза. – К вечеру этих людей не должно быть в моем доме. А если Оддин действительно решит жениться на кападонке, я его зарежу. Как предателя. В моей семье не будет этого отродья.

С этими словами он ушел, оставив после себя гнетущую тишину. А затем госпожа Торэм и Оддин совершенно спокойно вернулись на свои места и продолжили завтрак.

– Прошло не так плохо, как я ожидал, – заметил последний.

– Согласна. Во всяком случае лучше, чем в прошлый раз, – кивнула его мать.

Элейн в немом изумлении уставилась на обоих.

– Садись, дитя мое, доешь, – велела хозяйка.

Слишком пораженная их реакцией, Элейн послушалась.

У нее не находилось слов: они считали, что это в порядке вещей? Они не знали, что он действительно мог убить? Их

не задевало, что он обращался с ними, как с прислугой?

Впрочем... чего она ожидала от карнаби? Это кападонцы были гордым народом, который не стал бы терпеть такого к себе отношения. Вероятно, у этих людей считалось нормальным как оскорблять других, так и сносить оскорбления. Она бросила взгляд на госпожу Торэм: та неторопливо и будто бы гордо продолжала завтракать. Так все это показное? Перевела взор на Оддина: ей только начало казаться, что это человек чести, но вот он спокойно сносит угрозы брата.

Остается только один вопрос: что же она, Элейн, делала в этом доме? Где ее собственная гордость?

Она встала, заставив хозяев встрепенуться и удивленно посмотреть на гостью.

– Спасибо за то, что дали крышу над головой, – сказала Элейн звенящим голосом, – но мне пора идти.

С этими словами она покинула столовую, чтобы забрать из комнаты свой мешочек с деньгами и картами.

Оддин нагнал ее уже наверху. Он вошел следом за Элейн, затем остановился и уточнил:

– Я могу войти в твою комнату?

Она махнула рукой.

– Это не моя комната. – А затем не удержалась и добавила: – А Ковина, как я поняла. Он сказал, что это *его дом*.

– Это действительно его дом, – кивнул Оддин. – Он унаследовал его после смерти отца и является полноправным хозяином всего имущества Торэмов. Но забота о матери вхо-

дит в его обязанности, поэтому она живет здесь и тоже считается хозяйкой.

– Почему она не уехала к тебе, в Альбу? Почему осталась здесь?

– Потому что я не позволил ей. Здесь она благоустроена, живет в достатке. Мое жалованье дает возможность содержать довольно скромное жилье лишь с одним слугой и кухаркой. Ковин обычно не докучает матери, она вольна делать почти все, что хочет. Я захаживаю не часто, вижу с ней в отсутствие Ковина, так что всех все устраивает.

Элейн недоуменно покачала головой.

– Послушай, – он чуть приблизился к ней, – я не хочу оправдываться по поводу того, как мы тут живем и почему я считаю, что маме лучше в Нортастере, а не в Альбе. Но поскольку сейчас Ковин вел себя по отношению к тебе довольно грубо...

– Да плевать на его грубость! – сердито воскликнула Элейн, отступая назад.

– ...И причинил много боли в прошлом, то считаю нужным объяснить, – завершил Оддин.

– В прошлом?! Да у меня до сих пор в душе дыра размером со всю Кападонию. И ничто никогда не сможет заполнить эту пустоту, понимаешь? – Элейн отчаянно крутанулась и уставилась в окно, обняв себя. – И вот он разгуливает здесь, живет в роскоши, отдает приказы, куда мне идти и что делать. А вы, зная, что он натворил, просто садитесь и зав-

тракаете. Небо! Какими бездушными варварами надо быть, чтобы не понимать, насколько... насколько бесчеловечно это все выглядит!

Оддин немного помолчал, затем подошел к ней и положил руку на плечо.

– Прости, я не подумал, как ты воспримешь это. Мы с матерью просто нашли способ жить с Ковином: стараемся не привлекать его внимание и делать вид, что ничего не происходит.

Элейн повернулась к Оддину. Тот выглядел несчастным и немного растерянным.

– Но так же нельзя... – прошептала она.

– А что ты предлагаешь?

– Нужно было давно убить его, – прорычала Элейн.

– И это сделает меня или, святые небеса, мою мать лучше, чем он? Я убиваю только в целях защиты от прямой угрозы жизни или здоровью. Во всех остальных случаях я *ищу* тех, кто убивает, и отправляю их за решетку или на виселицу.

– Вот и Ковина туда нужно отправить!

– Просто потому, что ты так сказала?! Правосудию требуется немного больше, чем слова, чтобы наказать преступника.

– Поэтому я и предлагаю поймать его сейчас, когда он попытается убить Магистра!

– Как легко ты допускаешь возможные жертвы ради «благого дела». – Голос Оддина звучал ровно: он не обвинял, не

читал нотаций, а лишь подмечал факт.

Элейн схватилась за голову. Ей не нравилось, как он сеял зерна сомнения в ее сердце. Душа рвалась на части от жажды мести и нежелания творить зло. Ей необходимо было принять какое-то решение, чтобы не метаться между противоположными стремлениями.

– Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, но Ковина нужно остановить. Он – чума, которая постепенно разносится по городу.

– Элейн... – Оддин сжал ее плечи, пытаясь привести в чувства. – Я предупрежу Магистра, чтобы он был внимателен и осторожен. Но сомневаюсь, что сумею доказать, что Ковин *собирался* убить его. Он мормэр; ты понимаешь, что это означает не только его почти неограниченную власть, но и соратников на всех ключевых постах? Я точно знаю, что его поддерживают многие чиновники. Уверен, судья в Нор-тастере тоже его приятель. Думаю, Магистр Света – последний в верхушке власти, кто способен хоть как-то противостоять ему.

– Это все так несправедливо, – покачала головой Элейн.

– Я согласен. Но есть вещи, на которые мы не можем повлиять.

Она не хотела в это верить. Встретив Оддина, решив убить его, уехав из Лимеса, она наконец почувствовала, что управляет своей жизнью. Но ее пытались убедить, что это не так.

– Однако, – продолжил он, – каждый из нас способен из-

менить что-то вокруг себя: помочь больному или нуждающемуся, покормить голодного ребенка, поймать преступника. – На последних словах Оддин похлопал себя по металлическому жетону на груди, который Элейн до сих пор не замечала.

На жетоне был изображен орел, поймавший мышь, такой же, как на седле Ветра, – символ полиции Мидленда.

Элейн глубоко вздохнула:

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но знай: я не успокоюсь, пока убийцы моей семьи не будут наказаны. А теперь отпусти меня.

Оддин устало, даже разочарованно, убрал руки. Вероятно, думал, что проникновенные речи поубавят ее решимость. Но правда заключалась в том, что ему было о ком заботиться, у него была хоть и очень бестолковая, но семья. У Элейн не было никого. И если она и могла «изменить что-то вокруг себя», то это было избавление от гнили в виде Ковина Торэма. А затем и от Донуна, который отдал Ковину приказ. И да поможет ей Солнце!

Прежде чем покинуть дом Торэмов, Элейн подошла к хозяйке. Та отдавала распоряжения прислуге по поводу посуды, но, заметив гостью, велела всем уйти.

– Дитя мое, я знаю, тебе трудно понять, но Ковин – мой сын, – сказала она, взяв Элейн за плечи.

Та покосилась на руки госпожи Торэм – что это у них была

за привычка: чуть что – хватать. Чтобы собеседник не убежал или что?

– Я не думаю, что могу как-то еще остановить тебя, кроме как попросить: пощади его. Не уподобляйся ему.

Элейн раздраженно закатила глаза. Сколько можно было давить на одно и то же? Сначала Оддин, теперь она...

– Это пустой разговор.

Та сжала плечи Элейн чуть сильнее.

– Знай, что, если с ним что-то случится по твоей вине, я расскажу полиции, что ты угрожала ему расправой. Мое слово против твоего...

Госпожа Торэм казалась очень взволнованной, но сердце Элейн это ничуть не тронуло.

– Ваш сын лишил меня всего, ради чего я хотела бы жить. Мне нечего терять, и, если меня повесят из-за Ковина, даже с петлей на шее я буду улыбаться, зная, что избавила мир от этого монстра.

Склонившись к Элейн совсем близко, так, что было видно и мелкие морщинки на висках, и появившиеся в глазах слезы, госпожа Торэм, что было сил сжимая плечи девушки, прошептала:

– Тогда сделай это.

В комнату вошел Оддин, его мать тут же отпустила Элейн и подошла к нему, с нежностью поправляя полицейский мундир на широкой груди.

Элейн, опешив, смотрела женщине вслед, пытаясь понять,

не показалось ли ей. Только что госпожа Торэм благословила ее?!

Что ж, решение держаться Оддина было правильным: она рассказала ему о планах Ковина, что должно было предотвратить убийство. Душа ее не трепетала при этой мысли, но разум подсказывал, что оно к лучшему.

Кроме того, она выпалась, сытно позавтракала, получила новое чистое платье. Расстались они с Торэмами в добрых отношениях, и, кто знает, возможно, однажды это знакомство окажется полезным.

Но теперь пришла пора прощаться. Вот только Элейн совершенно не представляла, что делать дальше. Как избавиться от мормэра?

Выйдя из дома, она оказалась на шумной улице. Вздохнув, запустила руку в кармашек с колодой и достала случайную карту.

За деревянным столом сидели мужчины в простых одеждах и белых поварских колпаках. Они готовили мясное блюдо: отбивные или нечто похожее. Один из них, самый молодой на вид, куда-то нес поднос с – судя по красному цвету – еще сырыми, но уже готовыми к запеканию котлетами.

Глава седьмая, в которой Элейн снова становится прачкой

За деревянным столом сидели мужчины в простых одеждах и белых поварских колпаках. Они готовили мясное блюдо: отбивные или нечто похожее. Один из них, самый молодой на вид, куда-то нес поднос с – судя по красному цвету – еще сырыми, но уже готовыми к запеканию котлетами.

Сперва изображение шокировало Элейн: было в нем что-то кровожадное, зловещее. Она никогда не испытывала любви к мясникам, и картинка показалась ей совсем неприятной: воображение тут же дорисовало историю, в которой эти котлеты делали из Ковина. Элейн содрогнулась. Нет, конечно, такого она не желала даже ему.

Смысл, который она сама же вложила в карту – «с Ковином жестоко разделались», – не вызывал в душе ликования. О один прав, Элейн не была монстром, способным радоваться чужой боли.

Тогда она взглянула на мясников иначе. Что, если воспринять их не буквально? Пускай это будет значить «избавиться от Ковина», но не убив, а просто «разобрав на кусочки», лишив всего, что дорого, уничтожив по частям.

Такая трактовка пришлась Элейн по вкусу. Оддин защитит Магистра Света, а она в это время лучше узнает мормэра Нортастера и выяснит, как ему навредить.

Она еще раз взглянула на карту, и новая мысль посетила ее. Стоило найти работу в этом городе, чтобы обеспечить себя деньгами и жильем! Но не любую работу – Элейн требовалось место, связанное с Ковином.

Воодушевленная, она, возможно, впервые с тех пор, как встретила Оддина в Лимесе, искренне улыбнулась.

Первое, что поняла Элейн после нескольких попыток расспросить местных о чем-либо: нужно спрятать волосы. На рыжие кудри смотрели едва ли не с большим отвращением, чем на «прокаженное лицо», когда она обмазывалась кашей во время путешествия. Рыжие волосы – значит кападонец. А кападонцев тут не жаловали.

Побродив по ближайшим улочкам, Элейн вернулась к дому Торэмов. Не думала она, что вернется так быстро, и вот – снова знакомая дверь с глицинией. Оддин уже уехал, но хозяйка была у себя.

– Помогите мне покрасить волосы, – выдохнула Элейн.

Госпожа Торэм внимательно посмотрела на прическу гостыи и молча кивнула. Уже через четверть часа две служанки обмазывали кудри Элейн смесью, которую сделали из нескольких порошков. Хозяйка сидела рядом, молча наблюдая за процедурой.

– То, что я сказала утром... – начала она неуверенно. – Я не имела в виду... Надеюсь, ты поняла, что я не хочу никому вреда.

Элейн скосила на нее глаза. Нет, этого она не поняла.

– Я просто хотела сказать, что если кто-то наконец сумеет остановить Ковина – остановить в хорошем смысле...

А вот теперь поняла: госпожа Торэм мечтала освободиться от жестокого сына, но не позволяла себе даже думать об этом. Поэтому в порыве призналась в искренних чувствах, а сейчас пыталась сгладить ситуацию, убедить и себя, и Элейн, что имела в виду что-то другое. Что-то хорошее.

– Я тоже не хочу никому вреда. Я поняла, что не могу осквернить свои руки кровью. Буду искать другой способ.

Госпожа Торэм удовлетворенно кивнула.

– Поэтому я и крашу волосы, они очень мешают плести интриги.

Хозяйка дома понимающе хмыкнула.

Темный цвет сильно изменил Элейн. По настоянию госпожи Торэм служанки покрасили и брови, так как рыжими они слишком выбивались из облика, и теперь из маленького мутного зеркала на Элейн смотрела незнакомая ей девушка.

– Мне нужно устроиться на работу, – сказала она, когда они с госпожой Торэм остались одни. – В такое место, которое связано с Ковином или его домом: быть может, к цирюльнику, который его стрижет... Вы можете мне помочь?

Повисла долгая пауза.

– Такую услугу оказать я не могу. Ты попросила покрасить волосы, это просто доброе дело для девочки, столкнувшейся с трудностями. Но то, о чем ты говоришь теперь, это уже действия против сына, на такое я не пойду.

Элейн кивнула. Она начала видеть извращенную логику в действиях этой женщины, поэтому просто поблагодарила за помощь.

Она вновь покинула дом, готовая отправиться на поиски работы, когда ее окликнули. Из проулка выскочила девушка, только что красившая Элейн. Видимо, где-то там, за углом, был черный ход, которым и воспользовалась служанка.

– Я помогу, – шепнула она, а затем едва слышно добавила: – Господин Торэм – большое зло. Если вы сумеете его остановить, уж не знаю как...

– С чего ты взяла эти глупости? – спросила Элейн на всякий случай.

Хотя девушка и казалась искренне напуганной, кто знает, какие на самом деле у нее были мотивы.

– Слуги слышат и понимают больше, чем думают господа, – многозначительно отозвалась та.

Элейн кивнула: ей ли не знать.

– Моя сестра работает в доме господина Торэма. Он так жестоко наказывает за любые провинности! Но она не может уйти или пожаловаться кому-то, он запугивает их, и... Ведь он не просто хозяин, но еще и мормэр. Кто им поверит? По-

жалуйста, если вы остановите его... вам будут благодарны сотни людей, поверьте.

Она взволнованно оглянулась и продолжила:

– Мне нужно бежать, но послушайте: вы спрашивали про работу.

Элейн мысленно усмехнулась: ведь об этом они говорили с госпожой Торэм «наедине».

– ...Они возят хлеб из пекарни Зонтага. Хозяина я знаю, скажите ему, что вас порекомендовала Полин из дома Торэм, думаю, он найдет для вас работенку.

Искренне поблагодарив девушку, Элейн отправилась к пекарне, следуя полученным инструкциям: вверх по улице, свернуть налево у храма Солнца, перейти небольшой ручей по кирпичному мостику и на круглой площади снова свернуть, теперь направо. Там, в ремесленном квартале, располагалось множество лавок и мастерских. Пекарня Зонтага пряталась под деревянной вывеской с витиеватыми буквами.

За прилавком стояла миловидная светловолосая продавщица в фартуке со следами муки и хлебных крошек. За ее спиной рядами лежали различные изделия: хлеб, стопки лепешек, витые кренделя, конвертики с начинкой. А за полками было видно суеющихся пекарей: один месил тесто, другой доставал что-то из печи.

Разговор с хозяином, господином Зонтагом, состоялся короткий. Элейн передала слова «Полин из дома Торэм», спросила про работу. Тот окинул ее внимательным взглядом

и спросил о предыдущих занятиях.

– Я работала прачкой.

– Прачкой! – воскликнул Зонтаг, тряхнув седой головой, и Элейн сперва не поняла, возмутился он или обрадовался. – Идем-ка.

Они зашли в маленькую темную комнатку, воздух которой был полон мелкой пыли.

– В этих мешках мы привозим муку. Их все нужно стирать и сушить, но некому это делать. Иной раз туда сыпят муку прямо поверх мышиного помета! Это никуда не годится. Возьмешься? Плата небольшая, но справедливая.

Разумеется, Элейн согласилась. Ей выдали телегу и объяснили, как добраться до реки. Она тут же принялась за работу.

Раньше она никогда не ввязывалась в разговоры с другими прачками, но теперь все было иначе. Найдя свободную доску для полоскания, Элейн заткнула юбку за пояс и стала окунавать в воду мешки, внимательно прислушиваясь ко всему, что говорили другие девушки.

А послушать было что: они без умолку обсуждали некую Каталину, рассуждая, что же могло вынудить бедняжку броситься в реку. И когда прозвучало имя Ковина Торэма, Элейн чуть не свалилась в реку от возбуждения.

– Кто такая Каталина? – спросила она у прачки, что была к ней ближе других.

– Тако ж работала прачкой у этого Торэма, – пояснила

женщина, утирая лоб. – Будь он неладен.

– А что с ней случилось-то?

– Тако ж нашли вчерась в реке. Девчонки-то пришли стирать, а она и плывет себе мимо.

– Прям-таки мимо? Чего она, не утонула, что ли?

Элейн знала: эти вопросы развяжут прачке язык. Так и вышло.

– Та как же, утопла, конечно, только чуток и торчала. Или волосья увидали, не разобрала я.

– А что случилось? Купалась или чего?

Женщина посмотрела на Элейн как на умалишенную:

– Где купалась-то, здесь, что ли? В городе прямо, у всех на виду?

– Так как она оказалась в реке-то? – нетерпеливо допытывалась Элейн.

– Та поди разбери.

На этом разговор закончился, женщина стала тщательнее полоскать белье, явно давая понять, что не настроена общаться.

Тогда Элейн, отжав мешки и погрузив их на телегу, будто бы невзначай подошла к группке прачек, что уже закончили работу, но не торопились возвращаться в хозяйский дом.

– Теперь новую искать будет, – качая головой, сказала одна из них.

– Ни за какие коврижки к нему не пойду, – отозвалась вторая, прижимая руку к пышной груди.

Остальные зашумели, определенно поддерживая ее.

– Ага, погляжу я, как он тебе скажет, чтоб у него теперь работала, а ты ему: «ни за какие коврижки»!

– О ком это вы говорите? К кому нельзя идти работать? – спросила Элейн.

Девушки с опаской посмотрели на нее, справедливо опасаясь чужачки.

– Я новая в городе, ничего еще не знаю. Вот устроилась к Зонтагу в пекарню, мешки стирать. Мне Полин из дома Торэмов посоветовала.

Прачки переглянулись.

– Я знаю Полин, – сказала одна, а затем, видимо, рассудив, что знакомой Полин можно доверять, пояснила: – Вот к Торэму идти и нельзя. Полин работает у его матери, а сестра ее – у хозяина. Не приведи Солнце, вот что я тебе скажу.

– Так это что, он, что ли, убил Каталину?

– Да вряд ли, – ответила ей уже другая девушка. – Чего ему руки марать. Сама кинулась.

Элейн удивленно подняла брови:

– Утопилась? Почему?

– С таким хозяином я бы тоже утопилась, – мрачно прокомментировала миниатюрная девочка, совсем еще юная.

– Та опорочил девку, вот она и того, – вздохнула подруга Полин. – Каталина у нас была очень добропорядочная, не смогла пережить позора.

– А может, и понесла от него даже, – предположила дру-

гая.

Остальные загудели, соглашаясь, что это была очень вероятная версия.

– А у Торэма этого что, только одна прачка? – спросила Элейн, радуясь, что нашла такой источник всевозможных сплетен и фактов.

– Та не, еще Марта есть, но она сегодня не появлялась. Две всего было. Он же один теперь живет, так много ли ему надо...

– Это пока! – воскликнула пышногрудая дама. – Он уже чуть не сватается к королевской племяннице-то.

– Даром что год как вдовец, – проворчала та, что была много старше других.

– Уж не подождать три года, как положено, – возмутилась подруга Полин. – Неужто и правда Магистр позволит ему сочетаться браком?

Девушки начали причитать, а Элейн задумчиво закусила губу. Узнала она много, но что прикажете с этим делать? Идти к Торэму прачкой было опасно – он мог узнать ее. Да и в целом звучало не слишком заманчиво. Попытаться доказать, что он причастен к смерти Каталины? Сомнительный план. Решив, что пока просто примет к сведению все полученные факты, она пошла прочь.

Зонтаг остался очень доволен тем, что у него теперь появилась прачка. К вечеру часть мешков уже сушилась на заднем дворе, другая ждала следующего дня. Элейн оценила

их количество и поняла, что хоть здесь и платили меньше, чем в Лимесе, зато времени и сил тоже требовалось гораздо меньше. Мешки не нужно кипятить, достаточно тщательно полоскать и сушить.

Дополнительным преимуществом работы в пекарне стал бесплатный ужин из лепешек, которые нельзя было выстав-лять на продажу на следующий день. Габби, девушка, что стояла за прилавком, поделилась, что иногда к ним загляды-вал сыровар и отдавал свои остатки, и тогда трапеза получа-лась почти праздничной.

Хозяин пекарни позволил Элейн на время поселиться в небольшой подсобке, где обнаружилась довольно широкая лавка. Помещение примыкало к кухне, к самой печке, поэто-му вплоть до утра в нем сохранялось тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.